

Сооронбай
Джусуев

МОЯ
ЖИЗНЬ

СТИХИ И ПОЭМА

Сооронбай
Джусуев

МОЯ ЖИЗНЬ

СТИХИ И ПОЭМА

Перевод с киргизского

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

ББК 84Р7

Д42

Редактор *Н. Т. Стариков*

Вступительное слово *Чингиза Айтматова*

Джусуев Сооронбай

Д42 Моя жизнь: Стихи, поэма. — М.: Воениздат, 1990. — 143 с.

ISBN 5—203—00840—X

Стихи народного поэта Киргизии Сооронбая Джусуева заставляют волноваться и думать, сопереживать вместе с героями те или иные события, в своеобразной, доверительной форме передаваемые читателю.

Книга рассчитана на любителей поэзии.

Д $\frac{4702300200-024}{068(02)-90}$ 89—90

ББК 84Р7

ISBN 5—203—00840—X

© Воениздат, 1990

ПОЭЗИЯ МУЖЕСТВА И ДОБРОТЫ

Киргизия — это горы Ала-Тоо, вечно белоснежные вершины которых как бы подпирают синее небо; это Иссык-Куль, изумрудно-голубое живое чудо; это безмолвные густых ореховых лесов благодатного Арстанбана; это беспредельный ковыльный простор Алая и Сусамыра, где пасутся многотысячные отары овец, напоминающие облака, опустившиеся на землю. Населяющий эту древнюю и молодую землю киргизский народ — истинно трудолюбивый и добросердечный, мудрый и музыкальный народ, народ-поэт, который создал и через века донес до наших дней жемчужину поэзии — океаноподобный эпос «Манас».

Земля киргизская всегда была щедра на таланты. Только в советское время она дала таких подлинно крупных поэтов, как Аалы Токомбаев, Темиркул Уметалиев, Джоомарт Боконбаев, Алыкул Осмонов, Суюнбай Эралиев и других. Когда я оглядываюсь на пройденный творческий путь одного из ведущих поэтов Киргизии Сооронбая Джусуева, мне почему-то кажется, что родившемуся и выросшему на этой чудесной земле, полной поэзии, ему никак нельзя было не стать поэтом...

Сейчас имя народного поэта Киргизии Сооронбая Джусуева широко известно не только в своей республике, но и далеко за ее пределами.

Начало литературной деятельности поэта совпало с суровыми годами Великой Отечественной войны. Свое первое стихотворение, обращенное к киргизским бойцам-фронтовикам, он написал не под мирным небом родной Киргизии, а на фронте, где пахло порохом и гарью, в перерыве между боями, в прославленной гвардейской дивизии генерала Панфилова.

С. Джусуев в рядах гвардейцев-панфиловцев по дорогам войны прошел трудный и славный путь солдата. Будучи связистом в артиллерийском полку, он всегда находился на передовой, днем и ночью налаживал полевую телефонную связь, так необходимую нашим батареям для ведения огня по позициям противника, дважды был ранен.

Одной из ведущих тем в творчестве Сооронбая Джусуева стала военно-патриотическая тема. Иначе быть и не могло, потому что поэт на фронте своими глазами видел кровь и смерть, был свидетелем немеркнущих ратных подвигов своих однополчан, видел полный разгром врага, испытал радость великой Победы. И поэтому он вправе сказать о своем творчестве:

Стихи мои, стихи...

Я вас собрал и в сердце уберег
В окопе том, что порохом пропах,
Среди размытых ливнями дорог,
На улицах сожженных городов,
Где сердце мне огонь войны ожег.

Тема Великой Отечественной войны лейтмотивом проходит через многие книги Сооронбая Джусуева. Испытавший на себе ужасы войны, поэт опять и опять возвращается в своих стихах и поэмах к памяти о тех огненных годах, успешно продолжает расширять и углублять тему патриотизма, имеющую непреходящее воспитательное значение. Этой теме он всегда верен и предан.

Сооронбай Джусуев частый и желанный гость молодежи и воинов нашей армии. Он не только рассказывает и читает свои стихи о грозном времени, но и, изучая жизнь сегодняшней армии, пишет о солдатах—защитниках Родины мирных дней.

С. Джусуев, являясь поэтом, владеющим тонкими секретами лирики, в то же время показал себя и как вдумчивый, с широким творческим диапазоном, художник, умеющий создавать крупные эпические полотна, о чем свидетельствует поэма Сооронбая Джусуева «Красная тетрадь».

Поэт искренне предан отчей земле и прекрасно понимает, что все хорошее, доброе в своей поэзии, ее краски, ее звучность взял он у родной земли,

которая служила и служит источником его вдохновения. Пейзажная и любовная лирика его сердечна и задумчива, она проникнута стремлением постичь прекрасное в природе и людях.

Сооронбай Джусуев в 1956 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького, где занимался в творческом семинаре выдающегося советского поэта В. Луговского. Учеба в этом знаменитом институте придала уверенности поэту, обогатила его знания, стала благотворным стимулом для дальнейшей успешной творческой деятельности.

Когда я четверть века тому назад познакомился с Сооронбаем Джусуевым, он был вполне оформившимся поэтом, деятельным, уверенным, целеустремленным, с богатыми творческими планами на будущее.

За прошедшее время им были успешно реализованы многие из тех замыслов. Работая в сдержанной реалистической манере письма, поэт умеет находить новое не во внешней форме, а в самой ткани стиха. О сложных явлениях жизни и человеческих взаимоотношениях может сказать просто, доходчиво и в то же время глубоко поэтично.

С. Джусуев давно и успешно работает в области художественного перевода. Своим упорным и благородным трудом он сделал достоянием киргизского читателя произведения Шекспира, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Есенина, Франко, Тычины, Махтумкули, Исаакяна, Симонова, Гамзатова, Кулиева и других выдающихся поэтов. Переводческая деятельность для него была большой школой, благодаря которой он сумел глубже понять сущность и своеобразие творчества подлинных мастеров поэтического слова и извлечь из этой работы немалую пользу для себя.

Более десяти книг С. Джусуева на русском языке изданы во Фрунзе и Москве, многие его поэтические произведения переведены на языки братских народов СССР. Голос киргизского поэта успешно доходит до многочисленных читателей нашей необъятной страны.

В своем стихотворении «Долг поэта» С. Джусуев высказал очень справедливую мысль о том, что, когда поэт начинает предаваться самодоволь-

ству и самолюбованию, он перестает быть поэтом. Я убежден, что обладающий завидным умением не довольствоваться достигнутым, всегда требовательный к себе и своему творчеству, Сооронбай Джусуев с присущей ему солдатской энергией и настойчивостью будет идти вперед к своим заветным творческим целям и достигнет еще неизведанных далей поэзии.

Чингиз АЙТМАТОВ

МОЯ ЖИЗНЬ

Нет праздничной окраски у войны —
Ее глаза огнем опалены,
Ее поля свинцом напоены,
От крови реки все ее красны.

Кто без вести пропал,
А кто убит,
О них доныне край родной скорбит,
В могилах братских столько их лежит —
Но поднялась их слава на гранит.

Я тоже был
Там, где огонь пылал,
Лежал в снегу, в болоте утопал,
И попадал в меня чужой металл
Не раз, не два, а в сердце не попал.

Иначе б в поле мертвым мне лежать,
Заставив слезы лить доныне мать.
В живых оставшись, не могу сказать,
Что лучше их умел я воевать.

Задумаюсь над прожитым порой —
В войну, назад отхлынет боль с тоской,
И эта жизнь вдруг кажется второй,
Подаренной за что-то мне судьбой.

О сверстники, погибшие в бою,
Я с вами до сих пор в одном строю,
Хочу вам посвятить
Всю жизнь свою.
О подвиге и жизни я пою.

СТИХИ

ПОБРАТИМЫ

В дни праздников
В столицу Киргизстана,
Прошедшие сквозь шквал, огонь войны,
Панфиловской гвардейской ветераны
Съезжаются со всех концов страны.

Встречаются, минувшее итожа,
Впервые побратавшись под Москвой,
Им до сих пор нет ничего дороже
Их бескорыстной дружбы фронтовой.

— Ты помнишь?.. Помнишь?.. —
Нет числа вопросам.
Помянут павших,
Выпьют за живых.
И снова, как бывало, папиросу
Не торопясь раскурят на двоих.

Все выложат друг другу ветераны,
Как издавна ведется у солдат.
Лишь об одном —
О том, как ноют раны,
При встрече ветераны умолчат.

— Спой, гвардия! —
И просветлеют лица,
И памятью исхоженных дорог

До поздней ночи в небе будут литься
«Землянка» и заветный «Огонек».

А рано утром
Стройною колонной,
Надевши боевые ордена,
Они пойдут по улицам зеленым,
Как шли, победно развернув знамена,
В тот день, когда окончилась война.

И вся дорога встанет за спиною,
Дороги той им не забыть вовек:
Завьюженные ночи под Москвою,
Горящая вода латышских рек
И холмские болота, где косило
Их ливнем пулеметным наповал...
Своих солдат приветствует Панфилов,
Взошедший на гранитный пьедестал.

Он их учил не отступать ни шагу,
Сражаться и держаться до конца.
Его неукротимая отвага
Поныне окрыляет их сердца.

Пусть к непогоде больно ноют раны,
Пускай бойцы сегодня не в строю,
Но грянет гром —
И вновь на поле брани,
Как в сорок первом, встанут ветераны
На правый бой за Родину свою!

МУЖЕСТВО ГВАРДИИ

Когда разразилась война,
Душа у меня изболелась:
Туда, на границу, к бойцам
На помощь прийти не терпелось.

Когда разнеслась от Москвы
Молва о панфиловцах наших,
Меня не пускали еще
На место защитников павших.

Шестнадцать мне было тогда.
Но сердце одно лишь твердило:
Достойным панфиловцев стать!
Ах, вырваться б только из тыла!

И вот — восемнадцать! На мне
Шинель боевая и каска.
Сбылось: я панфиловцем стал!
Так только сбывается в сказках.

Я горечи фронта хлебнул —
Окопы, и голод, и пули...
Мы были гвардейцы, и нас
Тем именем не попрекнули.

Был госпиталь. После него
На фронт возвращаясь обратно,

Спешил я к друзьям боевым,
Мне ставшим дороже, чем братья.

Я с ними всю сладость вкусил
Победы, ковавшейся годы.
Не с ними ли мирного дня
И мною заложены всходы!

Теперь, опаленный огнем,
В запасе стою у Отчизны.
Честь, мужество гвардии
в кровь

Вошли
До скончания жизни.

ПИШИТЕ СОЛДАТУ

Сразу сбегутся солдаты,
Только придет почтальон,
Шумной ватагой обступят:
Чем же порадует он?

И зарумянятся лица
Тех, кто письмо получил.
Хмуро отходят другие —
Их почтальон огорчил.

Пишут из дому солдату:
«Только не смей голодать...
Не простудись на ученьях...»
(Дело известное — мать...)

Радость не пряча, счастливый,
Вышел с конвертом другой.
Стало быть, адрес написан
Девичьей нежной рукой.

Быстро конверт распечатан.
И, удалясь от всего,
Держит солдат фотоснимок,
Пылко целует его.

Письма как хлеб для солдата:
Сил прибавляют они,

Светом сердца наполняют,
Греют в холодные дни.

Старые воины знают,
Что — получить письмецо.
Сколько пробудится в сердце,
Как озарится лицо!

Сам ветеран, я сказал бы
Девушкам, ждущим солдат:
Чаще им весточки шлите,
Не принуждайте страдать.

ЗАПАХ СЕНА

Все окутано сияньем,
 все вокруг белым-бело.
Дед-Мороз прошел по полю —
 поле стужей замело.
Сеет с неба, сеет вьюгу,
 сеет снежную крупу.
И от этого свеченья
 стало тихо и светло.

Стройная и молодая,
 свет мой девушка-чабан,
Та, что сносит терпеливо
 злую стужу и буран,
На мороз выходит лютый,
 на каленые снега,
Меховую свою шубу
 подпоясав, как чапан.

Поднося охапки сена
 утром овцам — чуть не воз,
Вспоминает целый месяц
 запах трав и сенокос.
На зеленое джайлоо,
 где звенит в траве ручей,
Этот запах несравненный
 снова в степь ее унес...

Все тогда вокруг сияло
так, что радовало взор.
В небе круглый-круглый месяц
золотой надел убор.
Скирдовала она сено,
пересмешница, юла
На долине многотравной
меж высоких белых гор.

Месяц лил по всей округе
незабвенные лучи.
Губы в губы, руки в руки
торопились, как ручьи.
Тот джигит неукротимый
сильным был и слабым был,
Были жесты у джигита
и робки и горячи.

Млело сердце рядом с сердцем,
откликался зов на зов.
Сердце с сердцем говорило
про любовь свою без слов.
Только помнит, как в истоме
закружилась голова.
Сенным запахом тянуло
от лугов и от стогов.

Вспоминает дни былые,
тот чудесный счастья год,
Так спешил тогда на свадьбу
к ним с подарками народ.
Свадьбу справили как надо.
А теперь ее джигит
На границе с автоматом
службу верную несет.

Чтоб ее печаль по мужу
вдруг со свету не свела,
Чтобы слабой не казаться,
в чабаны она пошла.

Пишет, пишет вечерами
письма, полные тоски,
Про любовь свою большую
и высокие дела.

И уносит запах сена
в лето девичью мечту,
К месяцу, что над джайлоо
тихо тает на лету.
Возвращает вход в кошару,
к снегу белому ее
И к тропе, что убегает
вдаль, к холодному хребт

Все окутано сияньем,
все вокруг белым-бело.

Дед-Мороз прошел по полю:
поле стужей замело.

Сеет с неба, нет, не выюгу —
сеет снежную крупу.

И от этого сиянья
стало тихо и светло.

ЯБЛОНЯ

Аил урожай собирает, гудит.
Вон домик — там, знаю, живет инвалид.
Детишки его в огороде хлопочут,
Стирая белье, мать за ними глядит.

А вот и он сам — узнаю седину —
Гуляет в саду — не сидится в дому;
От дерева к дереву ходит и ходит —
Как будто бы зренье вернулось к нему.

Вот к яблоне он осторожно шагнул,
До листьев дотронулся, ветку пригнул,
Нащупав, румяное яблоко снял,
Задумался, видно, о чем-то взгрустнул.

Припомнилось, может, что именно здесь
С любимой надумали яблоко съесть.
Едва разломили на две половинки,
«Война!» — прокатилась тяжелая весть.

...В горящем снегу защищал Сталинград.
И мог не вернуться оттуда солдат.
Пройдя через госпиталь, он возвратился,
Но был у солдата невидящий взгляд.

«Когда ты с войны возвратишься, родной,
Я ждать тебя буду под яблоней той».

Слова эти жгли ему, ранили душу,
Когда он незрячим вернулся домой.

«Дождешься ли? — долгая будет война...»
«Дождусь!» — отвечала негромко она.
Теперь с невеселой улыбкой он думал:
«Слепому любовь никому не нужна».

Но мысленно шел он и шел в этот сад.
И яблоньку трогал невидящий взгляд.
Однажды — с порога — ему показалось:
Из сада глаза дорогие глядят.

Он весь озарился. От радости — вмиг
Он к яблоньке той побежал напрямик.
В порыве забыл, что не видит, незрячий,
Споткнулся, упал, головою поник.

Он думал: «Земля непривычно тверда,
Такой ли была она раньше, всегда?..»
И тут кто-то бережно тронул джигита
(Тот случай ему не забыть никогда).

Запомнилось все, точно было сейчас:
Поднявши его, чьи-то руки тотчас
Лицо его тронули с трепетом нежным,
И губы коснулись невидящих глаз.

Она! Зашептался восторженно сад.
Она! Разошелся плодов аромат.
В согласии сели под яблоньку двое.
Из рук ее яблоко принял солдат.

...Года пронеслись. Седовласый, слепой,
Я вижу, шагает из сада домой.
— Прими-ка, старуха, от яблоньки нашей,—
Он женщине плод подает налитой.

ВОСПОМИНАНИЕ

В лучах — озаренный как счастьем,
Я глянул на улицу, вниз,
И воздух глотнул ароматный,
Прохладный — как утром кумыс.

По-рыцарски brave с виду,
Вот разве что только без шпага,
По свежей асфальтовой глади
Солдаты чеканили шаг.

И я засмотрелся, любуясь,
Стремясь разглядеть их в лицо.
И вдруг — обомлев — я увидел
Себя среди этих бойцов!

Как все, я шагал с автоматом,
В погонах (когда бы успел?),
И вместе со всеми задорно
Я песню солдатскую пел.

Со мной котелок и лопата,
И фляжка висит на боку.
Не сон ли? Иль все еще там я,
У жизни на том берегу?

И я улыбаюсь невольно:
Ну надо же — точно такой,

Каким я был внешне когда-то,
Солдат охраняет покой!

Прошли... И такой разошелся
В душе моей трепетный свет,
Как будто бы стал я моложе
На тридцать, по крайности, лет.

ВО СНЕ И НАЯВУ

Ну почему,
Лишь только прикорну,
Лишь зыбкий сон сомкнет мои ресницы,
Война мне тут же
Начинает сниться,
Хоть далеко
Оставил я войну.
Как будто
Притаилась за спиной,
Как будто бы репей,
Впилась мне в память,
Вчера опять меня хватало пламя
За грудь,
Как зверь,
Сцепившийся со мной.
Потом клубился дым
И за шинель
Просачивался, черный, перегорклый,
Душил меня,
В мое впиваясь горло.

Гремели пушки. Сыпалась шрапнель...

Зияли,
Как ослепшие глаза,
Дотла сожженные проемы окон,

И двери,
Рты раскрыв свои широко,
Кричали как безумные.
Друзья,
Молоденькие, точно как тогда,
Со мною рядом были —
Все живые,
Как будто бы мы встретились впервые
И нас еще не тронула беда.
И я рванулся,
И они — за мной,
Сквозь дым и пламя,
Через трупы вражьи,
И, гибельный перескочив овражек,
Уже на новой точке огневой,
Я ощутил в груди
Тупую тяжесть.
За грудь схватился —
Вся рука в крови.
— Эне! — я закричал, теряя силы.
И тут проснулся.
Мать ко мне склонилась:
— Ну что с тобой? —
Ответить я не мог,
Лишь нежно руку матери потрогал,
Накинул плащ и мигом за порог.
— Хороший день! — я крикнул
за порогом.

Действительно, светилось все вокруг,
И не осталось ничего от ночи.
В бинокль смотрел с холма,
Сосредоточен,
Старик с бородкой реденькой,
И внук
Подкрался к деду с фотоаппаратом,

Чтобы похвастаться потом ребятам
Прекрасным кадром —
Как на склоне лет
В бинокль смотрит восхищенный дед.
А дед все продолжал смотреть в бинокль,
Следя за пастухом
Сквозь толщи стекол,
Как тот с транзистором,
Там, далеко-далёко,
На выпас стадо гнал
За перевал.
Я с дедом разделял его восторг,
И внука поздравлял с блестящим
снимком,
И, как мальчишка, вскачь,
Не чуя ног,
Сбежал с холма
По брызжущим росинкам.
Но не ушел от юрты далеко.
Вернулся я, поправил одеяла
На спящих детях.
Сердце ликовало.
И пенное от жара молоко
Из рук моей золовки принимая,
Как в детстве, торопясь и обжигаясь,
Я пил его по-взрослому легко.

В ОЖИДАНИИ ГОСТЯ

Осень в аиле на диво щедра.
Много в колхозных амбарах добра.
Радость в домах, в закромах — изобилье.
И о гостях нам подумать пора.

Брат Жылкыбай, комузист и джигит,
Вышел во двор, на дорогу глядит,
Трогает, пробуя, струны комуза.
Есть ли певец, что его победит?

Скатерть постлали широкую, но
Все уместить и на ней мудрено:
Новые чайники с пестрым рисунком,
Масло и мед, виноград и вино,

Тяжкие дыни с колхозной бахчи,
Груды лепешек — еще горячи!
Пестро-чугунные слитки арбузов.
Тетушку гостя принять не учи!

Вовсе не тем озабочен мой брат,
С другом своим повидаться он рад,
С русским своим фронтовым побратимом
Вспомнить Тамань, Таганрог,
Сталинград...

Снова знакомые вспомнить места.
Друг задержался, а вдруг — неспроста?
Снова глядит Жылкыбай в нетерпенье
Вдаль, на дорогу — дорога пуста.

Твердо в письме обещал навестить.
Брат не на шутку уж начал грустить.
Переживает: — Ну если приедет,
С месяц заставлю его погостить!

ЖЕНЩИНА НА КОСТЫЛЯХ

Портфель тяжелый прижимая,
Вдоль по Арбату шел я в мае.
Вдруг вижу: женщина вдали
На костылях спешит, хромая.

Остановилась вдруг она.
Тогда лишь стала мне видна
Полоска с ленточками скромными —
Медали там и ордена.
Стояли мы на остановке.
И я, смущенный и неловкий,
Помог в автобус ей войти.
— Спасибо!

— Доброго пути!

Ушел, шурша о мостовую,
Автобус. Но забыть живую
Ее улыбку я не мог...
Я вдруг припомнил фронтовую
Задымленную даль дорог;
Передний край и грохот боя,
Бросок. Ранение пулевое.
Ползу, прилег, не чуя ног,
Земля да я, в обнимку — двое...
Кто в поле третий? Думал, снится.
Нет, надо мной сестра.

— Сестрица... —

Стянула ногу мне жгутом,
Из фляги помогла напиться.
Из боя вынесла меня.
А после — бричка. Храп коня.
И вот уже стучат колеса,
Спешат в тылы из-под огня.
Вдруг небо словно расколелось,
Огня и дыма встал султан,
И, полный боли, женский голос
На миг взлетел и замер там...

Шел, думал я о ней, о многих,
Давно сменивших сапоги
На туфли.

...В год войны жестокий,
Чтоб сохранить солдату ноги,
Сестра осталась без ноги.

В ПУШКИНСКОМ КРАЕ

На Пушкинские горы с гор крутого
Отечества киргизов Ала-Тоо
Приехал я, чтоб вместе с теми быть,
Кто гнал врага от пушкинского крова.

и мы врага безжалостно громили,
И жгли, и гнали в тучах снежной пыли
Прочь с той земли, где Пушкин проходил,
Прочь с той земли, где он лежит
в могиле.

И воинов, бойцов бессчетно много
У пушкинского собралось порога.
И праху поклониться мы пришли,
Стояли долго и молчали строго.

Мне чудилось тогда в молчанье этом,
Что Пушкин хочет мне помочь советом,
И вдохновеньем делится со мной,
Чтоб стал киргизский юноша поэтом.

И позади остались те долины,
Где голос раздавался лебединый,
Где шел поэт влюбленный с Анной Керн,
Слагал стихи, лелея миг единый.

В ночи окопной вдруг блеснули блики,
Как солнца луч на чьем-то светлом
лице...

О, сколько силы стало у меня,
Когда приснился Пушкин мне великий!

И в чудное какое-то мгновенье
Нечаянно сомкнулись звуков звенья.
И вот — в часы затишья на войне —
Я первое сложил стихотворенье.

Приехав с гор киргизских Ала-Тоо
На Пушкинские горы, так сурово
Я слал врагам родной моей страны
Огонь и негодующее слово.

В том блиндаже с бревенчатым накатом
Пятно светлело это: отпечаток
Ладонки детской, пальцев-крохотулек
Увидел на бумаге сероватой.

Сиял Самак: мол, наконец друг понял,
На что глядел, проснулся все же соня.
Он под щекой держал во сне бумажку
С тем отпечатком крохотной ладони.

О, сколько раз тот зыбкий отпечаток
Самак и перекладывал и прятал
То в гимнастерке, то в своей шинели,
Как талисман, его берег он свято.

В какой огонь война нас ни бросала,
Какими ужасами ни пытала,
Но вот однажды ворвались в село мы,
Со всех сторон село уже пылало.

И тут-то крик услышали ребенка.
Он звал на помощь. Голос тонко-тонко
Дрожал. К стволу привязанный веревкой,
Не мог он выпростать свои ручонки.

Перед его бессильными руками,
Перед его огромными глазами
Мы замерли, как вкопанные встали,
Один Самак не растерялся, пламя

Одним прыжком преодолел он ловко,
В слезах от радости обнял ребенка,
Не увидел привязанную мину —
Ее взорвала, дернувшись, веревка.

Но дальше я рассказывать не в силах,
Земля, казалось, небеса затмила,

И от двоих осталась лишь ладошка,
Еще она мгновенье шевелилась.

Я забываю многое с годами.
Ах, память, что творишь порою с нами!
Но о войне кто мне бы ни напомнил —
Ладошка та опять перед глазами.

В ЮРТЕ

С. Эралиеву

Дыма струйка голубая
Поднималась над золой.
В юрте с другом Суюнбаем
Я сидел за пиалой.

Чтобы было нам уютно,
Чтобы пламень не зачах,
Наш старик — хозяин юрты —
Бросил хворосту в очаг.

Пламя вспыхнуло. И робко
Друг мой глянул в тот момент
На отложенный в сторонку
Деревянный инструмент.

И была во взгляде зависть,
К струнной музе тайный пыл.
Просветлев лицом, хозяин
Этот взгляд перехватил.

В пламя хворосту добавя
И поправив огонек,
Свой комуз он Суюнбаю
Протянул: — Сыграй, сынок!

Но, погладив гриф, помедля,
Тронув чуть струну из жил,
Друг признался: — Нет уменя!—
И комуз он отложил.

Тут вошла, легко шагая,
Дочь-хозяйка. Для гостей
Принесла воду в кумгане,
Чтоб умылись из горстей.

Друг, с трудом ладонь сгибая,
Не глядел на старика —
На войне у Суюнбая
Искалечена рука.

С потемневшими глазами,
Огорчась до слез почти,
Все поняв, сказал хозяин:
— Что комуз? Стихи прочти!

Как подарок, что на случай
Он в душе своей берег,
Гость прочел стихов певучих
Старику шестнадцать строк.

И, утешась обоюдно,
Оба выпили вина,
И сказал хозяин юрты:
— Славно! Если б не война...

Стих певуч твой и напорист —
Не перечь, молчи, молчи!—
Ты бы мог заткнуть за пояс
Наших лучших комузчи!

Я — ЧЕЛОВЕК, ПРОШЕДШИЙ СКВОЗЬ ВОЙНУ

Когда, любуясь спелой рябиной,
Я прохожу над горною ложбиной,
Прошу: не говори, что я устану,
Споткнусь о камень, от тебя отстану.
Я — человек, прошедший сквозь войну.

Когда иду над пропастью, по краю,
И краски гор родных в себя вбираю,
Не думай, будто я напрасно маюсь,
Что блекнет на лице моем румянец.
Я — человек, прошедший сквозь войну.

Когда брожу я по тропинкам мглистым
И слышу шепот звезд и шелест листьев,
Не пожимай растерянно плечами:
С чего, мол, он опять не спит ночами...
Я — человек, прошедший сквозь войну.

Когда сижу я вместе с чабанами,
И полночь гулкая висит над нами,
И свет костра огромен, будто чудо,
Не бойся, что меня возьмет простуда!
Я — человек, прошедший сквозь войну.

НАША ДРУЖБА

Подружился навсегда с казахом.
Не за бешбармаком в белой чаше,
Не за белой пиалой с кумысом
Наша дружба наполнялась смыслом.
Ведь знакомство состоялось наше
Не за мирной милою беседой —
Подошел к казаху я, соседу,
В блиндаже, среди болот и снега,
Пуль свистящих, взорванного неба.
Подружился навсегда с казахом.
По врагу стреляли, стоя рядом.
Помогали каждый раз друг другу,
Табакom делились мы и кашей,
С ложкою одной легко по кругу
К котелку тянули руки наши,
Радовались каждой дымной ложке
Пшениной каши, плотной, как лепешки.

Подружился навсегда с казахом
Не за пышным пиром, как велит нам
Наш обычай древний — двум джигитам.
Не дарил парчового халата
И коня
И щедростью не хвастал,
Чтобы вызвать гордость у собрата
И азарт.
Бесценные богатства

Дружбы обрели мы под метелью:
Укрывал меня казах шинелью,
Раненного. И на поле брани
Я спасал товарища-казаха.
Много нам досталось испытаний.
В госпитале беспросветно белом,
Пахнущем карболкою и мелом,
С инеем на окнах, в марле белой,
В госпитале будто поседелом,
Оказались мы в одной палате,
И стояли рядышком кровати.

Подружился навсегда с казахом.
И не знает наша дружба страха.
Столько крови видела, беды,
На войне навеки закалилась.
Сладостны теперь ее плоды.

ТЕПЛОТА

Посмотрите, как согревает
Малыша с пустышкой у рта,
Согревает и успокаивает
Материнская теплота!

Посмотрите: девушка с милым
Под луной, среди тополей,
От горячей руки джигита
Сердцу девичьему теплей!

Посмотрите: густою хвоей,
Словно шубою, лес оброс.
На ветру продрогшей березке
Рядом с елью теплей в мороз.

Удивляюсь снова и снова,
Как слова холодны и злы!
Но и теплым бывает слово,
И глаза бывают теплы.

Часто думаю я с тревогой:
Разве люди те хороши,
Что себя лишь согреть умеют
Теплотою своей души?

РУКИ

Огонь Прометей высекал
Рукой своей щедрой и доброй.
С кистями в руках Рафаэль
Писал, колдовал над «Мадонной».
Пахали и брали перо
Тяжелые руки Толстого.
Бетховен по клавишам бил
Руками все снова и снова!

Надеясь на руки свои,
Воители рода людского
Шли в бой. И, окончив бои,
Свои утверждали законы.
Сбив цепи с натруженных рук,
Над миром, как жаркое пламя,
Они поднимали свое
Летящее красное знамя.

Почили, сложили они
Рабоче-крестьянские руки,
Чтоб к звездам полвека спустя
Рукой дотянулись их внуки.
Поправ притяжение Земли,
Казалось, извечную косность,
Они поведут корабли,
Земляне — к созвездиям, в космос!

Но прежде чем спутник Земли
На нашем взойдет горизонте,
Рукам, что растили хлеба,
Вручалась винтовка на фронте.
При свете ракет фронтовых
Солдаты за Родину мстили,
И руки бескровные их,
Цепляясь за землю, остыли.

Но руки и наших врагов
Ослабли... Подняв оробело
Их кверху, сдавались они,
Флаг выкинув мертвенно-белый.
И рушились их города,
И некуда было им деться.
И Знамя Победы внесли
В рейхстаг полыхавший гвардейцы.

Нам руки даны для труда —
Прекрасна рука человека!
Окрепнувши, ставит она
В науках за вехою веху.
Хочу, чтоб девичья рука
В ладони джигита лежала
Доверчиво — не рукоять
Противника жизни, кинжала.

Рука материнская пусть
Покоится на колыбели!
А руки отца отдохнут —
В работе они огрубели.
Пусть руки невесты цветок
Сжимают, что к свадьбе подарен!
Пусть осенью будет полна
Рука садовода плодами!

Есть чистые руки. Но есть
И руки — пожмет их не всякий! —
Сожгли Хиросиму они,
И пепел на них Нагасаки.
К ним долларов желтая пыль
И грязь преступлений пристала,
Готовы планету они
Утюжить огнем и металлом.

Но старческим, в кольцах, рукам,
Всей техникой вооруженным,
Деляческим этим рукам,
Запятнанным кровью, прожженным,
До кнопок глобальной войны
В убежищах не дотянуться,
Коль руки народов и рас
У них на запястье сомкнутся!

ЗАПАХ

Вдыхает,
На щедрую осень надеясь,
Дух вспаханной плугом земли
Земледелец.
Сад дышит джидой,
Земляникою с грядок.
А запах ребенка
Для матери сладок.

И мяты, и тала весною,
И с черной,
Хрустящею коркой
Хлебов испеченных,
И первого снега,
И нив полосатых —
Бодрит человека
И радует запах.

От запахов ночи,
Лишь только стемнеет,
Два любящих сердца
Невольно пьянеют.
А дух и тепло
Домовитого дома
В поездке осенней
Кому не знакомы?

Над степью полынной,
Из пламени-грома
Уходит к звезде
Космонавт с космодрома.
Чтоб ночь и пространство
Его не знобили,
Он запах полыни
Уносит в кабине.

Хотел бы шагать я
Весною и летом
Планетою, пахнущей
Липовым цветом,
Землею живой —
Не пустыней бесплодной,
Пропахшею стронцием
Бомб водородных!

ДЕРЕВЬЯ

Как среди людей деревьям сирот!
Что они для многих? Древесина!
Ни души, ни чувств... Тогда откуда
Их листва, цветение и рост?
Почему, когда укрыты худо,
Обжигает ветви им мороз?

А на фронте, на переднем крае,
Не они ли рядом умирали?
Сколько их, в увечиях и ранах —
От дубка до вековой сосны, —
На опушках, на лесных полянах
Стало инвалидами войны!

Нет, деревья чувствовать умеют!
Шепчутся и вздор любовный мелют,
Новые сережки примеряют,
Вслушиваясь в птичий перелет,
Расцветают и листву теряют,
На ветвях вынашивают плод.

Валяются в тайге, под снежной пылью
Тянутся из леса к лесопильне...
Хоть и на морозе задубели,
Знают, до конца себя деля,
С радостью идут на колыбели,
С болью — на поделку костыля!

РАЗДУМЬЯ НА ЗЕЛЕНОМ ХОЛМЕ

Весной, когда вдохнуло в землю жизнь
Сиянье солнца, поднимаясь круто,
Взошел на холм зеленый я,
Где высь
Зеленая, прохладою обута.

Как будто в жизни все
Ждет новых сил —
В округе тихо и спокойно ныне.
Вновь в памяти бывшее оживил
Летучий запах молодой полыни.

Цепочкой овцы шли по склонам гор,
По тропке узкой, что стремилась в выси,
И, как они, родив в душе простор,
По памяти прошли цепочкой мысли.

Я вдруг такую сладость ощутил —
Почувствовал: мое бывшее рядом!
Недели, годы, все, что я забыл,
Воскресло перед воспаленным взглядом.

Не зная бед, мальчишка озорной,
Я бегал здесь весною по тропинке,
И гарцевал ретиво подо мной
Мой конь, что сделал я из хворостинки.

Шли годы... В школе постигали мы,
Какая нам дана судьба большая.
Сердца нам беспокоя и умы,
К нам прилетала взрослых мыслей стая.

Когда напали на мою страну,
То ненависть в груди моей вскипела,
И я ушел с друзьями на войну —
Так мне любовь к родной земле велела.

Бродили мы и жили мы в огне,
И отдыха
И страха мы не знали.
Все пули, что свистели на войне,
В моих друзей фашисты посылали.

Как жизни наши мы жалеть могли?
Как уступить могли бесчестной силе?
Сносили жажду в зной, в густой пыли,
Мороз сорокаградусный сносили.

В поту мы омывались и в крови,
И в пламени мы стали
Тверже стали.
Во имя счастья и людской любви
И умирали мы, и воскресали.

Хоть было время тяжкое, но я
Писал стихи при фронтовой лампадке.
Любовь моя
И ненависть моя
Излиты мной во фронтовой тетрадке.

Великую победу был я рад
Увидеть просветлевшими глазами.

Я клятву дал: о подвигах солдат
Когда-нибудь да рассказать стихами.

Войну преодолела наша сталь.
О, как тогда солдаты ликовали!
Но в радости солдат была печаль
По тем, кто жизни за страну отдали.

И гордость наполняла сердце мне,
И думы о победе сердце грели.
Об этом вот я думал на холме,
Когда домой пришел в своей шинели.

Да, я немало положил трудов,
Чтоб научиться песенному слову;
Вернулся из Москвы
От мастеров
К своей земле я и к родному крову.

Поэзии я посвятил года,
И славлю в слове песенное иго,
И счастлив я,
И радуюсь, когда
Читателя моя находит книга.

Слова мои, верны вы до конца
Моим друзьям,
Что спят под обелиском...
Настроены тревожные сердца
На слово правды,
Совестливой, чистой.

Арык журчит меж молодых ветвей.
Поднялись овцы тихо из обрыва.
И, полный дум
О Родине своей,
Спустился я с холма неторопливо.

ЭХО ВОЙНЫ

Под утро — гул: строители дорог
Скалу взорвали, чтоб вести туннель.
Я разбудил жену и вновь заснуть не мог —
Казалось: бомба угодила в цель.

Однажды ночью трактор рокотал
Под окнами. И вдруг приснилось мне,
Что прет на нас скрежещущий металл —
Фашистский танк с крестами на броне.

Прокатится по небу летний гром
И молния сверкнет во тьме окна —
Опять невольно вспомнишь о былом:
Сполохи... Грохот пушечный... Война.

И хоть давно покончено с войной,
Она во мне, она всегда со мной.

ФЛАГ КИРГИЗИИ

В будни и праздники флаг этот высится,
Под ветерком полыхая багряно,
В небе столицы, над Домом правительства,
В небе безоблачного Киргизстана.

Слава и гордость, величие нации
Цвета зари — боевого и броского,
Красного цвета, один из пятнадцати,
Цвет перенявших у флага кремлевского.

Шли мы за флаг этот на смерть под пули,
В мирные годы стоим в карауле,
Чтобы струились у древка литого
Синие полосы — цвет Иссык-Куля,
Белая — цвет ледников Ала-Тоо.

ВДОХНОВЕНЬЕ МОЕ, АЛА-ТОО!

Ала-Тоо, родина моя!
На твоём джайлоо в детстве я
Бабочек вертялых догонял,
Оседлавши прутик как коня.
Позабыть свою ль мне колыбель,
Ала-Тоо, родина моя!

В мире нет добрей тебя земли.
Только ты останешься вдали,
Проводив меня, как сына, в путь,
Я молю, чтоб ветры принесли
Вновь меня в объятия твои.
В мире нет добрей тебя земли.

Радость от тебя вдали горька.
И когда гляжу на облака,
Снежные вершины вижу я
Родины своей, что далека.
Сердцем я всегда в твоих горах.
Радость от тебя вдали горька.

Ала-Тоо, родина моя!
Снова дома, снова дома я!
Эхом ты на голос мой ответь!
Песнь моя, хлестни через края!
Вдохновение ты мое и жизнь,
Ала-Тоо, родина моя!

ЗОЛОТАЯ ЧИНАРА

Солнцем и луною залитая,
Величаво ветками качая,
Видная с вершины поднебесной,
Рвется ввысь чинара золотая.

Принесли давным-давно, жестоки,
Горе ей с крутых вершин потоки,
Вымыли овраг вблизи чинары,
Град хлестал,
Пил ветер ее соки.

Жгла ее июльская зарница,
Остужала снежная крупца.
Птица счастья на чинару села —
Золотом чинара вся лучится.

Для души свеченье неспроста я,
Как и песни у нее,
Взял, зная:
Мой народ — чинара золотая,
Я же только ветвь ее простая.

Пусть лучами золота литого
Озарит она край Ала-Тоо.
«Ветвь хрупка, зато крепка чинара», —
Повторяю я народа слово.

Я — КОМУЗ

Я — комуз,
перешагнувший
перевалы и века.
Горный ветер
и в порогах
наша горная река
дали мне
свои напевы,
дали наигрыши мне.
Я поведаю их людям
в зимней юрте,
при огне.

Много в прошлом
слез и горя
я хлебнул в родных горах.
Чаще пел я
в дни кочевий,
чем на праздничных пирах.
Под своей шершавой декой
звон мечей
и стук подков,
имена батыров славных
я донес
из тьмы веков,
храп коней

и топот битвы,
пересвист каленых стрел.
Только, жизнью умудренный,
молодел,
а не старел!

Из урючины душистой
я отструган и долблен.
Я прошел, не унывая,
сквозь рогатины
времен.
Я узнал
иные песни,
к новым пастбищам спеша.
Зазвучала по-иному
обновленная
душа.
Только вслушайся!
Немало
струны в памяти хранят
снежных фуг,
симфоний горных,
золотых степных сонат.
Голос мой звучит
со сцены,
а не только у костра.
Подпевает мне порою
скрипка —
чуткая сестра.
Переняв мои мотивы,
вторят песням
тут и там
сотоварищи в искусстве —
арфа, домбра
и дутар.

Я — комуз,
не все открыты
клады те, что я таю.
Ветер будущей эпохи
тронул струны —
я пою.
Нет, не руки комузиста
прикасаются к струне —
ветер странствий,
ветер звездный
в эти дни гудит во мне.

Подождите!
Мало, мало
инструментом быть земным!
В звездный век
и я в ракете
улечу к мирам иным.
И мелодия комуза,
не забытая в веках,
зазвучит на дальних трассах,
даже в звездных
облаках.

КРАСОТА ЗЕМЛИ

Я в тумане проснусь...

Подо мной облака,
надо мною излом леденеющих пиков.
Круторогий вожак на краю ледника
стережет задремавшее стадо кииков.

Я проснусь на джайлоо,

я за ночь напьюсь
поднебесной прохладой,
напитком целебным.

Плотно в заиндевелый халат завернусь
и увижу лучи над дымящимся гребнем.

Солнце словно в озерах зеленых плывет —
в травянистых потоках
и волнах искрится,
яркоцветье в лугах зажигает восход,
возвращает заблудших детей кобылицам.

На боках жеребенка сияет роса,
после бегства ночного
он к матери жметя.

Засверкала зеркальным осколком коса, —
значит, скоро со свистом
за дело возьмется.

Заалеет покос от нарядов девчат,
и литовки джигитов
взметнутся, как сабли.
С первой зорькою люди
в становье не спят,
жизнетворные силы в горах не ослабли.

Вот она, красота пробужденной земли!
Сколько смертных боев,
сколько долгой разлуки
не сумели разрушить сыновней любви,
не смогли разомкнуть материнские руки.

Сколько раз я готов был
пропасть на войне,
лишь мечтал об одном:
вновь окинуть бы взором
на прощанье рассветный туман
в вышине —
и отдать свою душу родимым просторам.

ВЕЧЕРОМ НА ДЖАЙЛОО

Как пастух, обветренное
Солнце
На ночлег ушло за перевал.
Сумрак, словно пес
Кудлатый, сонный,
По весенним пастбищам блуждал.

Он увидел:
Из-за поворота
Жеребята лихо —
Хвост трубой —
Вслед за кобылицами наметом
Пронеслись к ручью на водопой.

И вздымалась пыль за сосунками,
Сдобренная запахом цветов.
Замигали весело огнями
Юрты у подножия холмов.

Там под переливы маш-ботоя *,
Что волной из Фрунзе донесен,
Внукам дед расскажет про героя
Стародавних сказочных времен.

Маш-ботой — киргизская национальная мелодия.

Там, кумыс сбивая,
На мгновенье
Вспыхнет вдруг красавица огнем:
Просто невозможно без волненья
Вспоминать о встреченном,
О нем!..

Молодой табунщик,
Сокол быстрый,
Мимо, не взглянув,
Не пролетай!
Звезды на джайлоо, словно искры,
Сыплются,
Хоть шапку подставляй.

ЛУННАЯ НОЧЬ. АИЛ

С погасшим в добрых очагах огнем
Спят юрты безмятежным, сладким сном.
Лишь ветерок разносит неустанно
Цветов дыханье в сумраке ночном.

Журчит ручей совсем невдалеке,
Шумит листва на юном топольке,
И месяц, выплывая из-за веток,
Мне улыбается накоротке.

Тянь-Шань под лунным светом седоглав.
Волнуется ковер пахучих трав.
И облака торопятся куда-то,
Друг дружку по-ребячьи оседлав.

На взгорье задремали валуны,
Как будто видят сказочные сны.
И в рокоте далекой речки горной
Чуть различима музыка волны.

Я вдоль аила не спеша иду,
Обуревают думы на ходу
О счастье, о судьбе, о человеке...
И кажется: ответы я найду.

Я полон нежности к землей своей,
К неповторимой родине моей,

И в эту ночь я чувствую так ясно,
Что значит человеком быть на ней.

О мой аил... Как радуется он,
Что в красоту его я так влюблен!
И, как луна, светящейся надеждой
Я долго-долго буду окрылен.

ЗЕМЛЯ

Смотри, тебя приветливо земля
Встречает хлебом-солью,
Добротой.

Траву тебе под голову стеля,
Зеленой простирается кошмой.

Чтоб не был ты у холода в плену,
Чтоб солнце не пекло тебя подряд,
Земля меняет зиму на весну,
А летний зной на тихий листопад.

Умерших, по привычке вековой,
В своих объятиях соединит,
Укроет под цветами и травой
Тех, кто безвестен или знаменит.

Ты человека бережешь, как мать,
Земля. И даже пролитую кровь
И слезы прячешь, а потом опять
Даешь ему и щедрость и любовь.

Леса и горы снова наряди
В снега и травы. Летом и зимой
Святую грусть в душе разбереди,
Лицо мое из родников омой.

Земля моя! Не зря тебя топчу
И по росе хожу и в темноте —
Спокойной мудрости и доброте
Я научиться у тебя хочу.

ТОКТОГУЛЬСКАЯ ГЭС

Сгущалась тьма, холодный ветер дул,
Несчастный люд

к земле бесплодной гнул
В те времена, когда под звон комуза
Здесь песни пел и плакал Токтогул.

Во тьме крошечной этих черных лет
О горе и о счастье пел поэт,
И был певец единственным светилом,
Дарившим людям и тепло и свет.

И слушала акына беднота,
И к свету всех вела его мечта,
И люди верили, что свет и счастье
Придут и в их проклятые места.

И расступилась вековая мгла.
Сокрылась, будто вовсе не была.
Громада ГЭС, как памятник поэту,
Возникла из бетона и стекла.

Где был лишь камень
на сто верст окрест,
На берегу Нарына встала ГЭС,
И, светом ярким озарив аилы,
Взлетела песня в синеву небес.

Столбы и провода, им нет конца.
И согревает новый свет сердца,
Как в дни прошедшие их согревали
Мечта и песня старого певца.

Кладя кирпичи, встречал он
здесь ясные зори гор,
Кладя кирпичи, он видел
закатных лучей костер.
Хоть трудно порою было,
но он не сдавался, нет,
Когда зной сжигал дыханье
иль била пурга в упор.

От стен, что ввысь поднимались,
он взгляда не отрывал.
Были те стены крепче
и выше гранитных скал.
Чем выше они поднимались,
чем круче они росли,
Тем сердце навстречу зорям
он радостно открывал.

Хотя и давно построил
он этот высокий дом,
Но в сердце своем он думал
все эти годы о нем,
Думами поделиться
с ним человек спешит,
Словно старого друга
встретил в пути своем.

С балконов головы свесив,
все на него глядят.
— Кто он, этот прохожий? —
каждый бросает взгляд.
А он зашагал спокойно,
где новая стройка ждет,
И золотом, золотом, золотом
над ним горел листопад.

НА ИССЫК-КУЛЕ СТАЯ БЕЛЫХ ЛЕБЕДЕЙ

Мне кажется — с бессмертьем говорю,
Когда я вижу Иссык-Куль прекрасный.
И на него я радостно смотрю,
И с миром всем душа моя согласна.

Спит Иссык-Куль средь сонных камышей,
Как зеркала предзоровая стылость.
И стая белых плавных лебедей
На гладь его спокойно опустилась.

Как будто с неба облаков клубки —
Спустилась Лебедей прекрасных стая.
Поплыли вдруг, стремительны, легки,
Пленительные перья расправляя.

Стою на берегу. И, как во сне,
Шепчу мечтам, уплывшим в дали:
«Где вы?»

Как лебеди,
Пусть снизойдут ко мне
Неслыханные, белые напевы.

ВЕЧЕР В АЙЛЕ

Над крышею последней погостило
И скрылось солнце на краю айла,
Но окна в красных отсветах пылают,
Храня следы небесного светила.

А на дороге — трескотня сигналов
И крики шоферов из самосвалов,
А дойные коровы и не глянут.
Проходят по асфальту величаво.

И вместе с днем жара проходит снова,
И дух айвы из пышных горок плова,
Из растворенных окон растекаясь,
Об ужине напомнил недалеко.

А во дворе над глиняным колодцем
Молодка то и дело низко гнется,
Из жаркого тандыра извлекает
Хрустящие лепешки и смеется.

С груди откинув черные косицы,
Волнуется за книгой выпускница,
Сверяет вновь вопросы и ответы,
Экзамены ей предстоят в столице.

Старик наездник, скачущий и ныне
На козлодранье с тушею в долине,

НОЧЬ В ГОРАХ

Не различить снега вершины дальней.
Стал, словно уголь, черным горный склон.
Негромким эхом крик сыча печальный
В ущелье многократно повторен.

Ручей, хмельной от солнечного света,
Без умолку бормочет до сих пор.
Чуть слышно шепчут листья, будто это
Двух сплетниц бесконечный разговор.

Прильнув друг к другу, ели задремали,
Суровые в молчании своем.
Костер табунщика на перевале
Радужно машет огненным платком.

ПЕРЕВАЛ

Он человеку служит грозным знаком —
Скалистый перевал под зодиаком.
И, силы напрягая, все упорней
На перевал всхожу я

шаг
за
шагом.

И с каждым шагом путь мой тяжелее,
Я напрягаю мышцы ног и шеи,
Я делаю рывок, но тяжесть тела
Меня с землей сцепляет словно клеем.
Вот оторвался от земли.

Устало

Гляжу вокруг.

Ведь пройдено немало,
Зачем судьбу испытывать? Признаться,
Мне в жизни и без этого хватало.
Но за кусты цепляюсь я упрямо,
И снова, исцарапанный кустами,
Ступаю я на камни перевала.
Клянусь себя последними словами:
«Не для тебя скалистая дорога,
Сидел бы возле печки, у порога!»
Но чуть передохнул и оглянулся —
И снова в сердце сладкая тревога,
Усталости моей как не бывало!

Я вижу свет второго перевала,
И перед ним я отступать не в силах.
И все во мне опять возликовало,
И снова я клянусь себя за это
И тяжкий путь свершаю.

Но победа

Сияет лишь за третьим перевалом,
И не уснуть теперь мне до рассвета.

МОЕ СЕРДЦЕ

Стоит ли дрожать
Над каждым шагом, право?
На боку лежать,
И только лишь на правом?
Не хочу следить
За каждым вздохом сердца
И беречь его,
Как хрупкого младенца.
Не хочу из сердца
Сотворить кумира,
Чтобы мое сердце
Заплывало жиром.
А случится так —
И песня моя спета —
Перестанет сердце
Сердцем быть. Ни лета,
Ни зимы, ни весен
Не расслышит боле,
К радости глухое
И глухое к боли.
Нет, не стану сердце,
Как младенца, холить,
Пусть в труды впряжется,
Словно вол на поле.
В жаркий пар бросаю,
Чтоб к жару привыкло,
В прорубь ледяную,

Чтоб нигде не сникло.
Нагружаю сердце —
Поднимаюсь в гору,
Никакой поблажки
Ни в какую пору!
Что есть сил сбегая
По хребту крутому,
Чтоб привыкло к спуску
И опять к подъему.
А встречаюсь с милой —
Отдаю ей в руки:
Мни его, как глину
На гончарном круге.
Не бывает дня, чтоб
Сердцу быть в покое —
То безмерно нежно
Небо голубое,
То оно вскипает,
Как волна в разбеге,
И гудит высоко,
И несется в лебе.
И нетрудно свойства
Сердца обнаружить,
Если вглубь взглядеться,
Не смотреть снаружи.
А кому охота
К сердцу присмотреться —
Достаю стихи я
Из кладовки сердца.
В радости, в тоске ли,
Сердца я не прячу,
А пою —
Его я
Без остатка трачу!

Я — ЧЕЛОВЕК

Я человек, не камень и не тень я.
Душа моя — вместилище волненья.
Порой всех обгоню и на вершине
С далеких скал машу рукой равнине.
А то в пути отстану я порою,
Растерянно стою перед горою.
А иногда, как старец многомудрый,
Степенно день вершу свой многотрудный.
Порой я восторгаюсь, как мальчишка,
В лесу склоняясь над еловой шишкой.
Порой бегу — завидуют подростки.
Порою семеню по-стариковски.
В иные дни люблю столпотворенье,
В иные дни ищу уединенье.
Бывают дни — я усталы не знаю.
Бывают дни — сжимаюсь, замерзаю.
Порой смеюсь — и не остановиться,
Порой от слез слипаются ресницы.
Порой хвалю себя, порой нещадно
За ту хвалу казнюсь я троекратно.
Пока дышу, душа моя — как пламя
И кровь — как луч, закрытый облаками.

НЕБО

Стою над лучезарной белизной,
На леднике, доступном лишь архару.
В дремотной дымке горы отдыхают,
И синь небес бескрайних надо мной.

О небо, подари мне эту высь,
Опять к твоим сокровищам я вышел.
Своими помыслами поделись,
Дай силы мне — хочу подняться выше.

Дай, небо, мне свой песенный полет,
Чтобы расправить крылья, как бывало,
Порыв, которого недостает
Для штурма непокорных перевалов.

Дыханье дай и радость высоты,
И счастье чистым быть, таким, как ты!

КРАСОТА

Есть красота — и камня и воды,
Степного ковыля, осенней кроны.
Повсюду вижу я ее следы —
В полете лебедя и в карканье вороны.

Есть красота полынного куста,
Скалы ребристой, глупого козленка,
И солнца, и лампы. Красота
Сосулек, с крыши падающих звонко.

Она в делах и помыслах людских,
Хотя порой ее глубоко прячем.
И в лицах, и в глазах, когда мы их
Раскроем, удивляясь по-ребячьи.

Найдешь ее у каждого внутри,
Лишь оглянись и сердцем посмотри.

СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ

Я солнечному свету верю свято,
Иду по жизни в ярком свете дня.
Он дал размах моим шагам когда-то,
Ни разу он не обманул меня.

Свет солнца! Я стихи писал при нем
И вдохновенью смело отдавался,
В ночных же строчках часто сомневался
И проверял стихи слепящим днем.

Быть может, бедовать пришлось бы мне
И жизнь пошла бы по другому кругу,
Когда бы выбрал я себе подругу
Не в полдень солнечный, а при луне.

ПЕСНЯ ПРОДАВЦА БУМАГИ

Друзья, приходите ко мне за бумагой!
Как мысли младенца, безгрешна она,
Бела, как сугробы в степных буераках,
Чиста, будто новый кусок полотна.

Опять я волнуюсь и словно решаю
Судьбу, продавая бумагу мою,
И кажется — первую дочь провожаю
И замуж в далекий аил отдаю.

Достанься ученому, мысли упорной
И трепетной истине честно служа.
Ищи вместе с ним, добирайся до корня
В страницах раздумий, в листах чертежа.

Хочу, чтоб писателя ты узнавала,
К высокой его приобщась красоте.
Пушай одолеет он все перевалы
На гладком, упрямом бумажном листе.

Склоняются пусть над тобою поэты,
Великому таинству их научи:
Мелодию песен, что людям не спеты,
На лист наносить, словно солнца лучи.

Счастливой любимую девушку сделай
Горячим письмом, что напишет джигит,

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

— Что такое счастье,
скажи мне, дровосек?

— Огонь, тепло дающий, —
мне отвечает он, —

Но если за огнем не присмотрит человек,
Сам будет этим пламенем больно обожжен.

— Что такое счастье? — спросил я у врача.

— Лекарство от недуга, —
сказал он на ходу, —

Но если больше меры проглотить сгоряча,
То вместо исцеленья накличешь ты беду.

— Что такое счастье? —
я всадника спросил.

— Скакун, тебя несущий, — нагнулся он
с коня, —

Но если скакуна ты камчою угостил,
Ударившись о землю, не вспоминай меня!

— Что такое счастье? — сокольника
спросил.

— Счастье — верный сокол. Но птицы нет
лютей.

Если своеволием ты сокола озлил,
Останутся надолго следы его когтей.

— Что такое счастье? — Рыбак мне
отвечал:

— Счастье — это лодка,
что по реке плывет,
Но если, балагурия, ты лодку раскачал,
Она в глубоком месте тебя перевернет.

— Что такое счастье? —
спросил я старика.

— Счастье, сынок, это женщина весной,
Но если ты над нею глумишься свысока,
Холодным камнем станет,
а не ласковой женой.

У ОГНЯ

Дремлют овцы после выпаса дневного.
Лай далекий слышен пса сторожевого,
И, выцелкивая красный уголечек,
В юрте до ночи горит огонь багрово.

Пламя лижет дно широкого казана,
И глядит старик на пламя непрестанно,
Словно молодость в огне речистом слышит,
Но ее не разглядит из-за тумана.

Пылкий нрав он вспоминает, год далекий,
Как он в паводок одолевал пороги
И по скалам, к синей бездне поднебесья,
Конь носил его поджарый, краснобокий.

Вспоминает он о жарком вешнем цвете,
О единственной любви своей на свете,
Как он гладил косы девушки и сколько
Было пуговиц на девичьем жилете.

Вспоминает, как влекла его работа,
Как среди людей и он достиг почета,
И хоть в гору шел легко, но оступался,
Жизнь как жизнь,
нет-нет споткнешься обо что-то.

Через век свой
с удивленьем пробираясь,
На огонь глядит, что сын развел,
стараясь,
На жену свою, склоненную над миской,
На невестку, что, лукаво озираясь,

Для него кумыс взбивает долгожданный.
И молчит старик.

С джайлоо воздух пряный
Долетает. Дух арчи и дух кумыса
Он вдыхает над казаном, словно пьяный.

Дремлют овцы после выпаса дневного.
Лай далекий слышен пса сторожевого,
И, выпцелкивая красный уголечек,
В юрте до ночи горит огонь багрово.

ХЛЕБ

Здесь, в магазине хлебном, как ручьи,
Перед глазами
булки,
калачи,
Буханки,
сайки,
круглые лепешки
Текут, душисты,
сдобны,
горячи.

Как пахнет хлеб! Водой ключевой,
И летним полднем, и росой живой!
Стоит в халате белом продавщица,
Заворожен ее я красотой.

Хлеб — нашей жизни и работы суть!
Мне гнев и стыд всегда сжимают грудь,
Когда порой на улице я вижу
Хлеб, брошенный на землю кем-нибудь.

Не в силах возмущенья я унять.
— Священен хлеб! —
Готов я повторять.
Вот почему, видать, благоговею
Спешу с земли я этот хлеб поднять.

В концлагерях фашистских в дни войны
Лишившись сил, от голода бледны,
О крошке хлеба узники мечтали:
«Всего ломоть — и будем спасены!»

Сто двадцать пять блокадных —
весь паек!

Он Ленинград от смерти уберег,
Вот почему хранится он в музее —
Как стойкости и мужества урок.

Сияет мирный день над всей страной,
В поля пойдешь —
Хлеба стоят стеной,
Как будто это море золотое
Вот-вот — и укачает тишиной.
А кто на землю свой бросает хлеб,
Тот навсегда душой и глух и слеп!

ПРЕКРАСЕН НЕМЕЛЕЮЩИЙ РОДНИК...

Часы отстанут — и цена им грош,
Часами их уже не назовешь.
Горящую свечу зовут свечою,
Засохший мак не может быть хорош.

Мне жаль очей, в которых — ночь и мгла,
Иссеченного шрамами чела,
Жаль соловья, утратившего голос, —
Вся радость жизни от него ушла.

Прекрасен гор величественный лик,
Прекрасен вставший на утес кийик,
Прекрасен и охотник неуставший,
Прекрасен немелеющий родник.

Мне песни жаль бездушной и глухой,
Семьи бездетной, словно пень сухой,
Мне жаль руки бессильной и беспалой,
Мне жаль комуза с лопнувшей струной.

Судьба, прошу тебя, моей души
И на закате дней не иссуши!
О, не пошли мне сожаленья ближних,
Но вдохновеньем свежим всполоши!

К нам в горы прилетели —
И мы рады,
И нет для нас достойнее награды,
Чтоб слушать их.
И кружат эти песни
С орлами вместе в синем поднебесье.
Проходишь ты по селам и аулам,
Перекликаясь песней с Токтогулом.
И песни,
И раздумья,
И печали
Родными для киргизов ныне стали.

Глянь —
В небе туч тяжелых каравеллы,
И по Днепру плывет корабль белый.
Приветствует тебя корабль каждый,
Как песнь сердец
Звучит гудок протяжный.
Ты слушай,
Как волна Днепра струится
И голоса людей душой провидца.
Ты слушай смех детей — всего дороже
И смех веселой шумной молодежи,
Ты слушай шепот листьев торопливый
И слушай милых песен переливы.
Эпоху слушай, что народу свята,
Ту, о которой ты мечтал когда-то.

КЫЗ КУУМАЙ

Скакуны готовы пуститься вскачь,
Гривы их гнедые горят — кумач!
Девушка с джигитом крикнули: «Э-эй!»
Скакунов прищипорили —
Кто быстрее!

Заплескалось платье — озера гладь.

В сердце у джигита:

«Как догнать?»

Зрители сильнее стали шуметь:

— Дай коню разочек!

— Дай ему плеть! —

Кони, как шайтаны, сами несут.

Вдребезги — полдень!

Ветер крут!

И кричат мужчины:

— Нет, не джигит!

Уступаешь девушке! Стыд нам, стыд! —

Финиш. Кони тише. Спокойная рысь.

Девушке достался первый приз.

Едет с призом девушка на скакуне,

Бьет джигита плеткою

По спине.

Лучше бы не видеть такого вовек.

— Что ж ты опозорил
Подвел нас всех?!

От стыда такого, от тоски
Опустили головы старики.
Стыдно им, ох, стыдно в глаза смотреть,
Словно их хлестала
Эта плеть...

Кони как пламя, ветер горяч.
Вот другая пара
Пустилась вскачь.
Бросил за девушкой
Джигит скакуна,
Цокают копыта, звенят стремяна.
Вот догнал он девушку под смех и гул,
Обнял за шею,
К себе притянул.

На широкой площади сабантуй:
— Поцелуй же девушку!
— Поцелуй! —
А когда губами к губам присох,
Площадь с облегчением вздохнула: «Ох!»
Будто б на мгновение впав в забытие,
Все поцеловали в губы ее.

В СЕРДЦЕ МОЕМ ВЕСНА!

На землю глядя, небо хмурит брови.
Как дикий зверь, пурга надсадно воет.
У коновязи конь стучит копытом.
Пар из ноздрей его —
Горячий, сытый.
Вихрь, словно волк,
На гриву то и дело
Кидается коню остервенело.
Мой путь далек.
В седло легко взлетаю.
А снежной карусели нету края.
Но ты в глаза мне нежно посмотрела —
И в сердце вдруг весна заголубела.
Ты мне на плечи руки положила —
Как будто пламя кинулось по жилам.
Лети, мой конь,
Пургу сшибая грудью.
Весна во мне.
Я силы полон, люди!

КОГДА Я ВДАЛИ

Гладила листва в вечерний час
Мне окно — вот так лишь милых гладят.
Захотелось тоже мне сейчас
Ласково твои погладить пряди.

Столько на душе моей тепла,
Что шумит листва не устывая,
Если б рядом ты со мной была,
Сколько слов нашел бы для тебя я!

Взор привлек мой
В небе белый дым.
Облака плывут сквозь новолунье.
Присоединившись тихо к ним,
Понеслись к тебе мои раздумья.

ГЛЯДЯ НА ФОТО

Ты — как сияющий цветок,
Рожденный по весне.
Ты излучаешь нежный свет,
Спеша навстречу мне.
Когда в глаза твои смотрю —
Ах, как ты молода!
Ты улыбаешься — стоит
В глазах твоих мольба.
Но только это не сама,
Ты не сама, мой свет.
А фотография твоя
Из тех далеких лет.
Ты улыбаешься на ней...
Но на кого сейчас
Глядишь, любимая, сама,
Смущая блеском глаз?..

ДВАЖДЫ ЗАВИДОВАЛ

За окнами взметаются снега.
Над кыштакoм с утра поет пурга.
А мы с тобой вдвоем, в тепле, в уюте.
Но ты не знаешь, как мне дорога.

Огонь зажгла. Пора проститься, встать.
Я продолжаю книжицу листать.
Живут на стенке рядом наши тени.
И мне... мне захотелось тенью стать:

На разных стульях мы сидим, не близ,
А тени на стене почти сошлись.
Мы говорим одно. А наши тени
Уже давно сошлись и обнялись.

*

Однажды видел я, как ты спала.
Была мягка подушка и бела.
Струились косы черные. И брови
Темнели — вороненых два крыла.

Хотел зайти, взглянуть еще,
Завидуя смешно и горячо
Тому, что в изголовии подушка,
А не рука моя и не плечо.

НОЧЬЮ

Почти всю ночь один бродил в саду,
И Млечный Путь, и звезды — на виду.
Нашел Большой Медведицы созвездье,
Над ним нашел Полярную звезду.

Она светила ярко с высоты.
И я подумал: может быть, и ты,
Далекая, глядишь, как я, на небо,
На яркие лучи большой звезды?

Бродил я долго. Близился рассвет.
Мелькнув, пропал звезды упавшей след.
Сместились звезды. Лишь одной Полярной
До их шатаний в небе дела нет.

Сравнений много есть. Но в их ряду
Я лучшего сравненья не найду:
Хочу я видеть женщину в разлуке
Похожей на Полярную звезду.

ПЕСНЯ

Лучами солнца небо озарилось,
И горы засверкали далью снежной.
Явись ко мне, как утренняя милость,
И в радость обрати мою надежду.

Вот лебеди вернулись на озера
Встречать весну в краях своих родимых.
Я чуда жду, и ты примчишься скоро
На распростертых крыльях лебединых!

В глаза твои сияющие гляну,
Когда сведет меня весна с тобою.
Уйми тоску и заживи мне рану,
Стань сокровенной песнею-судьбою.

Я вновь твоей не налюбуюсь статью...
Предстанет будущее безмятежным.
Приди ко мне в весеннем алом платье —
Под цвет зари и цвет моей надежды.

ДЖИДА

Золотилась над садом звезда,
Чуть светилась в арыке вода,
Серебрилась на легком ветру,
Аромат источая, джида *.

Под звездой, над небыстрой водой,
Под густой, серебристой джидой
Я прижался губами к щеке,
Запылавшей, как плод налитой.

Вновь весна. И опять, как тогда,
Золотится над садом звезда,
Но теперь уж меня одного,
Вся в цвету, укрывает джида.

Чуть бормочет гортанный поток.
Я срываю чеканный цветок,
И напомнил мне запах его
Аромат твоих губ, твоих щек.

И так явственно кажется мне:
Вновь я с милою наедине.
Неужели же лишь для того,
Чтобы я стосковался вдвойне, —

Ты ссудила свой голос воде,
Блеск очей одолжила звезде
И оставила душу свою
Этой вешней душистой джиде?!

* Дж и да — лох узколистый.

ТЫ И Я

Я свято чту тебя, любовь моя,
В тебе такая сказочная сила!
Без слов твоих — душою знал тебя,
Хотя ты мной ничуть не дорожила.

Пойму твои и радость и печаль,
О сон волшебный мой, подснежник милый,
Мне жизни для тебя своей не жаль,
Хотя ты мной ничуть не дорожила.

Так погляди же в сторону мою,
Разгладь мой лоб желанными лучами.
Пойми, какое пламя я таю, —
И все сильнее, все ярче это пламя,

И нет родней, нет ближе никого,
Чем ты, отрада сердца моего.

СОЛНЦЕ И ТЫ

Решил художник солнце написать
Так, чтоб оно, как в небесах, пылало.
Он подготовил полотно под стать,
Он красок перепробовал немало.

Сил не жалел он, забывал о сне —
Но солнце не зажглось на полотне.

То ль потому, что беден мой язык,
Иль вдруг твой взгляд
лишил меня отваги,
Но не могу твой милый светлый лик
Я выразить словами на бумаге.

* * *

Вместе глядеть на мир по утрам,
Вместе вбирать сиянье рассвета,
День начался — и весело нам,
Солнце взошло — и радостно это.
Будем с тобой
Как два глаза мы.

Вместе темнеть от горьких обид,
Вместе терпеть разлуки истому,
Плачет один — и этот скорбит,
Этот в слезах — и печально другому.
Будем с тобой
Как два глаза мы.

Вместе встречать неправду в упор,
Вместе сверкать и гневно и страстно.
Жизни нашей бескрайний простор
Пусть нам обоим видится ясно.
Будем с тобой
Как два глаза мы.

* * *

Грусть о тебе в душе еще не смолкла.
Я помню, ты студенткой-комсомолкой
Внимательно, задумчиво, подолгу
Смотрела на играющих детей.
А я, собрав отвагу всю и смелость,
Сказал о том, как мне с тобой хотелось
Сложить семью. Ты вспыхнула, зарделась:
— Зачем? Не надо, нет... не говори.

Летели дни. Мы жили. Мы менялись.
Уже, как раньше, дружбой не ручались.
И вот на днях с тобою повстречались
Нежданно на бульваре городском.
С неловкостью друг друга оглядели,
Присели на скамейку, посидели.
Да неужели юность в самом деле
Прошла и нам уже пора на «вы»?

На «вы», конечно!

Без надежды — прочно,
Не на день, не на месяц, а бессрочно:
Ребенок твой, покинув холм песочный,
Идет вразвалку, милый и смешной.
Я на руки беру его, смешного
И милого. С трудом он ищет слово,
С трудом его находит, чернобровый.
Нашел, припомнил. «Дядя!» — говорит.

Лопочет, не пойму о чем, речистый,
Меня за шею обнял — не дичится,
Схватить уже за волосы ловчится
Своею цепкой маленькой рукой.

Я загрустил, на мальчугана глядя.
Не знает он, мой подбородок глядя,
Что этот самый незнакомый «дядя»
Мечтал когда-то быть его отцом.

КРАСНАЯ ТЕТРАДЬ

ПОЭМА

КРАСНАЯ ТЕТРАДЬ

Поэма

О как удивленья исполнен твой взгляд:
На кладбище яблоки зреют, горят.
Могилу под яблоней роют, спеша,
А в небе вороны и галки галдят

Земля, что в цветах и полыни живет,
Угрюмой могилою станет вот-вот.
Тоскливо зияя,
Того, кто навек
В глубинах ее успокоится, ждет.

Усталые люди в печальной пыли
К могиле пришли,
Тяжкий гроб принесли.
И рядом с юнцами пришли старики,
Сжимая в ладонях своих костыли.

А взгляд неподвижный уперся в зенит,
В гробу не мужчина — калека лежит.
На фронте он ноги свои потерял,
Себя не жалея, как смелый джигит.

* * *

Был этот день промозглым, серым днем.
Спал человек в гробу последним сном.

Роня слезы тихие на гроб,
Его товарищ говорил о нем.

Друзья пришли последний долг отдать.
Виски седые. На лбу — седая прядь.
Не сводят с друга скорбных глаз своих.
О как хотелось им его поднять!

— Прощай, наш друг,
ты честно долг свой нес,
Ты жил, горя всем сердцем, на износ... —
Боец — значок гвардейца на груди —
Рыдал, не видя ничего от слез.

В лицо, как в гроб,
впиталась желтизна.

Рыдал оркестр.
Горели ордена.
Лежали на подушечках они:
На белом — золотые пламена.

Оркестр еще сильнее зарыдал —
Гроб в землю погружаться тихо стал.
Боец-гвардеец руки протянул
К нему в слезах.
— Отец! — вдруг закричал.

Лег человек, укрыт родной землей,
Под красною нетленною звездой,
К которой был приколот навсегда
Знак «Гвардия» —
знак мужества стальной.

Под яблоней раскидистой он лег.
И каждый, подавив печальный вздох,

Грустна и светла,
И, вскрикнув, внезапно меня обняла.
И тихо спросила:
— Скажи, что случилось с тобой?
И вроде здоров ты,
и вроде, сынок, ты больной.—
Взглянула на ноги и,
жалость свою не тая,
Она зарыдала: — Кровинка моя!

Ночь темна. Печаль темна.
Где же моя жена?
Я понял, что если бы не было
Вины предо мной у жены,
То разве бы мама
Фото сняла б со стены?
Добрался домой я, добрался.
Соседи у нас собрались.
Хоть мысли взмывали мои,
Как быстрые беркуты, ввысь,
Хоть сам я с гостями,
Не в силах подняться, сидел,
Но пил я кумыс молодой
И яства нехитрые ел.
И стал я вдруг вроде младенца,
Печаль на душе храня,
И мать моя добывала
Лишний кусок для меня.
Хоть должен был как мужчина
Оберегать я мать,
Хоть все для нее я должен,
Обязан был добывать...

Молча и неподвижно
Застыв у окна порой,
Сижу, подперев подбородок

Задумчиво рукой,
Не вижу детских пожонок,
Не вижу, душой суров,
А вижу я только ноги
Женщин и стариков.
И мне становится грустно,
Когда в дорожной пыли
Не вижу я ног, а вижу
Палки и костыли...
Ну вот, добрался до дому
Благополучно я,
Хотя сижу неподвижно,
Скорбь на душе тая.
И стало моей вселенной
И небом моим окно,
И, глядя в него, мне кажется —
С народом я заодно.
Народ мой — моя опора
И дум сердечных язык.
Я много должен народу,
Я — вечный его должник.
И я отныне о многом
буду совет держать
С красной моей тетрадью.
Ну, говори, тетрадь!..

II

Красавица, взяв за руку меня,
Мне руку обожгла,
В одно мгновенье
Впустив в нее огонь, вся — из огня.
Мы шли — и маки терлись о колени.
Мы шли как будто в огненном раю...
И я сорвал один из маков красных,

Что душу будоражили мою,
И протянул их девушке прекрасной.
«Вдогонку друг за другом побежим!»
«Бежим».
«Бежим!»
Друг друга окликаем.
Бежим, бежим туда, к холмам седым,
И я упал,
Споткнувшись вдруг о камень:
Кровь хлынула — горячая струя
Из ног моих
И брызнула на платье,
И застонал от темной боли я..
Не в силах был беды своей понять я.
Я потерял сознание.
Надо мной
Та девушка все время хлопотала,
И раны все она забинтовала.
Очнулся я —
Чуть брызнул свет дневной...
Утренние сны теплы и чутки.

Вились кольца дыма у окна...
Ноги,
А верней, мои обрубки
Навсегда меня лишили сна.
Ведь не зря, наверно, ветераны
Говорили мне, вздохнув чуть-чуть,
Что к ненастью начинают раны
Ныть у них —
И не дают уснуть.

Солнце, преисполненное жара,
Обогрело тополь у окна.
Воробьев заботливая пара
На ветвях хлопочет допоздна.

Дом они себе готовят прочный
Из былинки, как из волокна.
Глянь —
Уже завязывает почки,
Зажигает все сады весна.

Мама прикатила мне тележку
И сказала тихо, от души:
— Счастье ты мое, садись не мешкай
И на свежий воздух поспеши!
Ты, сынок, я вижу, сник в тревоге —
Не печаль же сердца моего.
Пусть она тебе заменит ноги.
Это лучше все ж,
Чем ничего.

Вот скрипят железные колеса
Средь деревьев —
Мчусь всюду вперед.
Ветки, словно острые колосья,
Колются...
В глазах туман встает,
На глаза навертываются слезы,
Всех я объезжаю стороной.
И мальчишка чей-то,
Став серьезным,
Неотступно следует за мной
И, беду не чувствуя чужую,
Смотрит мне он напряженно вслед.
— Дедушка,
Купи и мне такую.
— Ах, дитя! — вздыхает тихо дед.

Две старухи не отводят взгляда
От меня.
— Бедняга! — говорят.

— Да, бедняга!
— Я была бы рада,
Если б сын таким пришел назад.
Нет, не зря, наверно, ноги ныли:
Мимо просек,
Мимо гор
И сел
Тучи в небе черные поплыли —
Дождь со снегом по земле прошел.

III

Вчера и радость, и беду,
и скорбь я испытал.
Лежал на поле боя я.
И землю рвал металл.
Казалось мне, что я один,
Один на всей земле.
И солнце черное взошло
в свинцовой серой мгле.
Враг близок. Орудийный гром.
Везде огонь и смерть.
И танки медленно ползут,
изменя земную твердь.

И ели падают, звеня,
Вминаются кусты,
И самолеты на меня
Летят из темноты.
Прошли чужие сапоги, подковами звеня,
Прошли через судьбу мою,
Прошли, давя меня.

Когда же я открыл глаза —
все оказалось сном.

Стучало сердце у меня,
Как ливень за окном.
Ходили стены ходуном,
и содрогался дом,
И грохотал по потолку
Тяжеловесный гром.
То хохот слышался,

а то стучали сапоги,
И легкомысленный фокстрот
Впивался мне в мозги.

Кипела поздняя гульба.
Неукротимый пыл.
Это Байсал. Это сосед,
Что надо мною жил.
И снова топот, снова смех такой —
Терпеть невмочь.

Не мог сомкнуть усталых глаз
я до зари всю ночь.
Когда же мать открыла дверь,
Открыла дверь во двор,
Ей встретились Байсал с женой.
Стоят. Глядят в упор.

— Соседи милые, — она сказала, —
из-за вас

Мой сын Асан не мог сомкнуть
Со мною вместе глаз.

Не дав Байсалу рта раскрыть,
жена его со зла

Вскричала:
— Что суете нос вы не в свои дела?

И руки есть, и ноги есть,
Есть молодость и стать.

Пусть весело танцует тот,
кто любит танцевать!

Зато и радость и восторг
Я испытал вчера,
Когда пришла ко мне гурьбой
Из школы детвора!

Я этих маленьких гостей
расцеловать готов,
Ведь знал я — многие из них
Остались без отцов.
Я понял явственней тогда
(душа тоски полна),
Они хотят, чтоб поскорей
Окончилась война.
Учительница — двадцать лет, —
По имени Акак,
Взглянула тихо мне в глаза.
Вздыхнув, сказала так:
— Ребятам хочется узнать
О двадцати восьми...

— Я знал почти их всех в лицо,
Служил в одном полку.
Одна судьба. Один кисет.
И горстка табаку. —
Я рассказал им, как бойцы
Встречали смерть в упор.
И долго длился разговор,
Мужской наш разговор.
И самый маленький — Кочкен
Спросил вдруг в тишине:
— А не встречали ль моего
Отца вы на войне?

И вот — вся зрение и слух! —
Замолкла ребятня
И, широко открыв глаза,

Уставилась в меня.
— Я видел твоего отца! —
Кочкену я сказал. —
В жестоком, в яростном бою
Он смертью храбрых пал.

В смущении замялся я:
«Зачем сказал, зачем?»
Хотя и радовался я —
Горд за отца Кочкен!

Простились со мной ребята,
Простился я с их гурьбой,
Оставили все ребята,
Что принесли с собой.

Акак сказала с улыбкой
Сказала, светясь, Акак:
— Над вами мы шефство взяли
Всем классом, Асан.
Вот так...

IV

Народившись за горами где-то,
Протянув из радуги и света
Между гор студеного волокно,
Легкие как пух лучи рассвета
Стали проникать в мое окно.
Вижу я — на тополь снова сели
Дружных два знакомых воробья,
Сели, зачирикали, запели...

И тогда припомнил детство я,
Как когда-то из своей рогатки
Воробья я в ногу подстрелил.

Я все помню.
Я не позабыл —
Годы шли — сомненья и догадки...
Годы шли, меняясь постепенно,
То взлетал я вверх,
То падал вниз.
И меня порой сводила жизнь
С поллепами. как отец Кочкена.

Я с Атаном вместе подрастал,
Пас овец
И в альчики * играл.
То дружили мы, то враждовали,
Спорили,
Дрались между собой.
Вместе с ним на фронте воевали.

И однажды как-то под Москвой,
Там, где пропитала кровь снега,
Где дымились танки по оврагам,
Руки поднял вверх он,
Быстрым шагом
Запетлял вдруг в сторону врага.
И хотя сковала сердце стылость,
— Стой! — что было силы закричал.
Выстрелил я в ноги.
Он упал,
И на белый снег
Кровь заструилась...
Он пополз назад, к нам, он просил
Взглядом: «Жить!», теряя силы быстро.
У окопа дернулся, застыл,
Свален пулей снайпера-фашиста...

* Альчики — игра вроде русской игры в бабки.

Я не каюсь. Тверд я в убеждение:
Тот, кто дрогнул в праведном бою,
Тот, кто предал Родину свою, —
Тот достоин
Вечного презренья!

День проснулся.
Все пришло в движенье.
Кажется,
Что замерло в мгновенье
Утро. Отструилась тишина.
Вижу я —
Два воробья покорно,
Деловито собирают зерна
Около раскрытого окна.

V

Подымается солнце,
И тени дерев — все короче,
И рассветная дымка,
И туманы сгорают в огне.
Рано утром поднявшись,
Смотрю я на черный кружочек,
Что висит на стене,
На давно потускневшей стене.
Тот кружочек становится
Все ярче, все ближе, бодрее.
И на карте флажки
Вслед за фронтом к Берлину спешат.
Предо мною встают
Воронки,
Землянки,
Траншеи,

И лица встают
Панфиловцев — храбрых солдат.

Ну а я возле Риги,
Когда мы пошли в штыковую,
Остановлен гранатой,
Без сознания остался на льду.
Я, как тот журавль,
Что был ранен в крыло на лету,
Оторвался невольно от стаи,
Тоскуя по стае.
Я — журавль,
Чьи пулями срезаны крылья,
Я назад возвращаюсь,
Я лишился товарищей вдруг.
Изменила подруга...
Продрогла душа от бессилья,
И не в силах никто на земле
Исцелить мой недуг.
Кто поддержит меня?
Если крылья нужны для полета!

...И приходят ребята ко мне,
С ними вместе приходит Акак.
И гнетет мое сердце печаль,
И гнетет мое сердце забота —
Вдруг скажу невзначай,
Вдруг скажу что-нибудь я не так?
Но она нам читает стихи
Строку за строкою,
И лучится лицом,
А запнется — так то не беда!
Видел гребни вершин,
Видел ясную синь пред собою,
Видел даль я,
Куда за звездою садится звезда.

Затихали слова,
И душа у меня замирала,
И далекие дали,
И прошедшее виделось мне.
И хотя мне пришлось
Испытать в эти годы немало,
Сколько мыслей рождалось,
Сколько чувств
Обо всем на земле!
Все быстрее и быстрее,

Все сильнее закружилась пластинка,
Все быстрее и быстрее,
Все плавней надо мною плывет.
И мелодия эта
То тает как легкая дымка,
То как будто скакун,
Что несется вперед и вперед.

Месяц, как аргамак,
Месяц легкий, прозрачный, летучий,
Хвост и гриву свою
Расстелил от горы до горы.
Скачет он через дали,
Через рощи и черные тучи,
И несметные силы бурлят в нем,
И копыта, как сабли, остры.

А мелодия льется,
Как будто листва молодая,
И внимают мелодии этой
И деревья вокруг, и хребты.
А мелодия льется,
К белоснежным горам устремляя
И стремленья мои,

И желанья мои,
И мечты...

А кончается музыка,
И хочется мне почему-то
В благодарность за все
Погладить Акак
Прядь волос.
Только сердце мое,
Словно стужей, печалью продуту,
Леденит мою кровь
Беспокойных сомнений мороз.

Словно чувства мои угадала Акак,
И, украдкой
О еще несказанном
Тихим взглядом Акак говоря,
Молча я посмотрел
На ее непокорную прядку.
И глаза наши встретились,
Как каленые искры горя.

VI

Весь напоенный силой,
Всем существом встречая
Весеннее пробужденье
От зимнего забытья,
Тополь в окно мне смотрит,
Смотрит листва тугая,
И прыгают по веткам
Два праздничных воробья.
Если б я был убитым,
То разве увидел это —
Лиственное новоселье

И туч грозовую кладь?
И силы ко мне вернулись,
И мне захотелось в лето,
Как в детстве моем,
Вприпрыжку
С веселым смехом вбежать.
Да только куда там бегать!
О если бы мог я бегать,
То разве сидел недвижно,
Глядя на тополя?
Когда тишина повсюду
И горы чисты от снега,
На западе дым и копоть,
Пылает огнем земля.

Много друзей погибло.
Многие в чистом поле
В братских могилах тесных —
В посмертном своем строю —
Остались лежать навеки.
И доля моя — их доля.
Я, как они, продирался
Сквозь пламя вперед в бою.

Сейчас я от них далёко.
И все ж мне не знать покоя:
Зову я их поименно,
Так, как тогда на льду.
И я в долгу перед теми,
Кто вынес меня из боя,
Не спал надо мной ночами,
Когда метался в бреду.

Да, я в долгу перед ними.
И день провожу я каждый
В сомненьях — живу ль достойно?

И думаю лишь о том,
Как же могу без дела сидеть я
Все сутки,
Как же,
Когда есть глаза, и руки,
И силы в сердце моем?!

Раньше я был танцором,
Раньше по сцене весело
Я проплывал,
И зрители
Восхищенно твердили: «Да!»
А ныне на веки вечные
Лишился своей профессии
И не открою двери
Театра я никогда.

Слыл знаменитым мастером
Отец мой по всей округе,
Могущим в мертвое дерево
Песню жизни вдохнуть.
Я тоже делал комузы,
Баулы;
Мои потуги
Все же были напрасны,
Хотя постигал я суть.
И, чтобы старухе матери
Вечной не быть обузой,
Чтобы ее заботу
Смог оправдать сполна,
Я стал, как отец когда-то,
Я стал мастерить комузы —
Пусть люди на них играют,
Когда отгремит война!

VII

Как и всегда, сегодня
В дым и росу одет,
Серебряными лучами
Утро зажжет рассвет.
Я сделал комуз на диво
Звонкий. Сказал: «Гуди!»
Я гладил его руками
И прижимал к груди.
Нежно ласкал я струны,
Нежной тоской томим,
Снова и снова тихо
Я любовался им.
И вот, где чернел кружочек,
Вражьей земли кружок,
Я радостно передвинул
Красный к нему флажок.
А из другого круга,
Черного, на стене
Слышится:
— День Победы!
Победа! Конец войне!
Не в силах подняться с места,
Сидел я — душа хмельна.
И на комузе тихо
Подрагивала струна.
«Победа!» —
В ушах гудело,
В груди гудело как медь.
О как мне плясать хотелось!
О как мне хотелось петь!
Ну как мне в такую пору
Недвижно дома сидеть?
И я, прикрепив награды,
Вышел как на парад.

Как угли красные флаги
Победно везде горят.
Трубят пионеры в трубы,
За рядом проходит ряд.
Трясется моя тележка,
Медали мои звенят.
Сколько вокруг улыбок,
Добрых, родных сердец!
В глазах о себе читаю
Празднично: «Молодец!»
Улицы затопила
Эта радость собой.
В тележке моей —
Тюльпанов красный, густой прибой.
Слезы вокруг, объятья.
— Победа-а! — несется весть.
Площадь передо мною
Большая — людей не счесть.
Кинит небывалый митинг,
Как будто водоворот.
Вот расступились люди —
И я проехал вперед.
Солнце пылает в небе,
Как будто огненный флаг.
Подняли меня в президиум
С тележкой
На руках.
В глазах у меня кружилось,
Пела душа моя.
Словно на горный выступ
Это взобрался я!
И мне казалось — я вырос.
И мне хотелось запеть.
Сердце, обретши крылья,
Готово было взлететь.
Люди, родные люди!

Сердце мое поет.
И я про себя в волнение
Благодарил народ,
Народ, что меня сегодня
Так высоко вознес.
Слезы радости лились,
Но не скрывал я слез.
Вот закончился митинг.
Ко мне Акак подошла,
Меня обступили дети —
Радость моя светла.
Домой меня проводили
Шумной они гурьбой.
А день стоял надо мною
Солнечный, голубой.

Как мы дошли до дому,
Не помню, не знаю как.
Мать с большим уваженьем
Угощать принялась Акак.
Вспомнив погибшего мужа,
Плачет Акак навзрыд.
Мать ее утешает,
Тихо ей говорит:
— Не надо, дочка. Вернуться
Прошлему не дано. —
Разбредило рану,
Видно, Акак вино.
Вот над землей спустилась
Сиреневая мгла
И тишина повсюду
Словно роса прошла.
Но вот в квартире над нами —
Словно горный обвал.
Снова Байсал пирует,
Снова поет Байсал.

Поет, надрывая глотку,
Вилкой бьет по столу.

Сказал я матери тихо:
— Байсал всю войну в тылу
Провел по броне, я знаю.
Откуда же этот гром?
Как будто добыл победу
Он над нашим врагом?
— Чего тебе непонятно,
Я, сынок, не пойму —
Ведь он от войны спасался
И спасся — и рад тому...

VIII

Прости меня, о красная тетрадь,
Не раскрывал твоих страниц весь год,
Забыл тебе я тайны поверять,
Вверять своих раздумий хоровод.

Не бойся ты — мол, что случилось с ним?
Я жив. И никуда не уезжал.
Ведь отдых нам с тобой необходим.
А что забыл — так кто не забывал?

Я делаю комузы.
Я влюблен
В свой труд. Мои мечтания светлы.
И целый день я наполняю дом
И стружками, и запахом смолы.
Когда же человека вижу я,
Что в магазине мой комуз купил,
Я радуюсь,
Чувств гордых не тая,

Что я работал не жалея сил.
Таких мгновений много я имел,
На небе зори для меня цвели,
Вот год прошел уже средь скорых дел.
Вот выключулась травка из земли.

Не раз с Кочкеном вместе ребятня
К нам приходила навестить меня.
И видел я, любя, —
Он каждый раз
С комуза не сводил влюбленных глаз.
Я видел, как звенящую струну
Кочкен тихонько трогал в тишине.
И самый лучший свой комуз ему
Я подарил — пусть помнит обо мне!

Любовь мечтой казалась для меня,
Что не взнуздать, как дикого коня.
И пустырем казалась мне она,
Где не растут цветы,
Где пыль одна.
И все-таки той радостной весной
С Акак мы стали мужем и женой...
И все ж рассказу не хватает слов,
Чтоб выразить все чувства,
Всю любовь.

Услышав, как открылось вдруг окно
На улицу, в весенний птичий гам,
Я понял,
Что ячменное зерно
Моя Акак бросает воробьям.

Их двое, воробьев, клюющих тут.
И двое нас, что корм им дают.
По улице, куда-то торопясь,

Прохожие снуют,
Весь день снуют.

IX

Желтые листья тысячи тысяч кружат,
Тысячи тысяч позолотил закат,
Тысячи тысяч брошены в непокой.
Это не листопад,
А дождь идет проливной.

Летних, шумных каникул
Давно минула пора.
И снова весело в гости
Ко мне пришла детвора.
На лицах их загорелых
Свечение чистых глаз.
У каждого о каникулах
Свой припасен рассказ.
И вот настроив комузы,
Что я подарил, они
Весело перемигнулись:
— Первым, Кочкен, начни! —
И только струну он тронул,
Тронул ее едва,
Как, напружинившись сразу
И закатав рукава,
Ребята, чтоб от Кочкена
Ни в чем в игре не отстать,
Тонкие, острые струны
Стали перебирать.
Руки их колыхались,
По струнам пальцы текли.
И замирала мелодия
Волшебная их вдали.

А я на лицо Кочкена
С любовью смотрел в упор.
Не зря ведь у комузистов у этих
Он — дирижер!
Разве ему пожелаю зла за вину отца!
...Лилась как ливень мелодия —
И не было ей конца!

.
— Хочу я поестъ арбуза! —
Сказала как-то Акак.
И вот на старой телеге
Добрались мы кое-как,
Добрались мы до базара.
Мне в путь наказала мать:
— Моей Акак ты арбуза
Не позволяй поднимать...

Х

На улице лежат снега кругом.
А я сижу сейчас с вспотевшим лбом,
Так мне тепло от радости, от счастья,
Вошедшего в мой ставший шумным дом.

Лежит малыш в кроватке — чудеса!
Не видят ничего мои глаза.
Не нагляжусь на махонькие ножки,
На гибкие ручонки, как лоза...

Акак спросила (ласки полон взгляд):
— Какое имя дать? —
И в лад
Ответила ей мать моя:

— Ребенку —
Вы дайте имя легкое — Канат *. —
Сама же еле-еле от порога
К кровати, задыхаясь, добрела,
Вздыхнула тихо:
— Я вздремну немного.
Ах, кажется, всю жизнь я не спала...

Какая тишина стоит у нас!
Какая темень,
Словно день погас!
Мать плача не услышала ребенка.
Лишь в этот раз
Мать не открыла глаз.
Упала на пол тяжкая рука,
В зрачках застыла смертная тоска.
Лежала мать покойно на подушке,
От всех забот впервые далека.

XI

История продолжала,
Как прежде, писать страницы.
Время летело быстро,
Как с белых вершин река.
Над голубым Ала-Тоо
Взошла золотая зарница,
Крепкою позолотой
Окрашивая облака.
Сегодня я День Победы
Буду встречать с друзьями.
Сын мой вместе со мною,
В руках у него цветы.

* К а н а т — крыло или крылья.

Прошел и нас не поздравил
Байсал с пустыми глазами.
Глаза у него пустые,
И дни у него пусты.

Братья мои, панфиловцы,
Собрались мы снова вместе:
Кто без руки,
Кто медленно плетется на костылях.
Блестят ордена с медалями —
Целые их созвездия,
Страну защитить готовы,
Если нагрянет враг.
Русский, киргиз, татарин —
Семья собралась большая
Около пьедестала.
Бронзой сияя, встал,
Нас к себе призывая,
Руку вдаль простирая,
Сам генерал Панфилов —
Прославленный генерал.

На улице тополиной,
На самом ее краю,
Он во весь рост поднялся,
Как под Москвой в бою.
Полы его шинели
Тяжестью налиты.
К ногам его ветераны
Молча кладут цветы.

Тут мы Байсала увидели:
Кровь с молоком — здоров,
В компании подгулявших,

Гогочущих молодцов
Он смачно чмокал губами,
По ним тек томатный сок,
И хвастался перед дружками,
Какой он меткий стрелок!
Как первой пулею жаворонка
Он подстрелил вчера.
— Вот это выстрел!
Охотник! Выпьем, друзья!
Ура!

В лучах негасимой славы
По улицам и площадям
Мы шли.
Освещали вспышки
Суровые лица нам.

XII

О красная моя тетрадь —
В тебе моя душа!
Тебя хранил я столько лет,
Тобою дорожа.
Я был упрям, я рвался ввысь,
Мне не хватало крыл,
И все же за двенадцать лет
Тебя я не раскрыл.

И я работал день и ночь,
И не жалея сил,
И столько, что и не сочтешь,
Комузов смастерил.
Дорога у меня одна,
Как и любовь одна.
Хоть в волосы мои легла
Метелью седина.

И мой оттаивает взгляд —
Взгляну лишь на Акак.
И есть отрада у меня —
Мой сын, что вырос так!
Окончил десять классов он,
Стал парнем заводским.
Когда идет он на завод —
О, как горжусь я им!
По телевизору вчера
Смотрел я о войне
Кино —
Кипел жестокий бой,
Горела степь в огне.
И вдруг Канат мой произнес
Ехидно:
— Вот те на!
О, у папаши моего
Не кончилась война. —
Ну что ему скажу?
И я, сжав зубы, промолчал.
Неужто будет он таким,
Как мой сосед Байсал?

* * *

Сегодня ясный, теплый день.
Мчит «Запорожец» мой
Средь зеленеющих полей...
И я — вновь молодой.
Со мной Акак, со мной Канат.
Кругом такой простор.
Остановил машину я.
И, словно на ковер,
Мы на зеленую траву
Все трое прилегли.

И шла такая тишина
И сила от земли,
Что нам хотелось навсегда
Остаться вместе здесь...
И было странно, что война
Еще на свете есть.

Мы видели, как в вышине
Вдаль жаворонок плыл.
Цвели поля, и вся земля
Вновь набиралась сил.

И вдруг старуха подошла —
В упор глядят глаза:
— Поди, умаялись в жару.
Попейте кумыса. —
И посмотрела на меня,
И взгляд стал тих и строг. —
Прости, но, видно, на войне
Остался ты без ног.
А все она, а все она,
Проклятая война...

А это кто? Жена твоя? —
И я сказал:
— Жена!
— Видать, хороший человек...
Прошел огонь и дым,
Из пекла, из огня домой
Вернувшийся живым.
И слава богу, что нашел
Хорошую жену.
Но не дай бог, чтоб испытал
Твой стройный сын войну!
— У вас, наверно, дети есть?
— Да! Были!
Горько мне.

Их было трое у меня.
Погибли на войне...
Адил, Хадил, Джалил — зову
Порою их в тоске.
Все весточки, все письма их
Храню я в сундуке.
Когда читаю их,
То кажется порой —
Они живые
И пришли с войны давно домой.
И помолчала, и опять
Спросила вдруг в тиши:
— Кого-нибудь из сыновей
Ты не встречал, скажи? —
Что мог я матери сказать?
И я ответил:
— Нет!
— Когда смотрю я про войну кино,
Тогда, мой свет,
Мне кажется — увижу их,
И каждый жив и цел...
А жаворонок в вышине
Все пел, все пел,
Все пел.
Сияли вечной синевой
Родные небеса,
И набежала вдруг слеза
Канату на глаза.
В глазах его —
Смятенная, горячая вина.
Он, видно, понял, что война
Жива еще, война.
Что ей еще в сердцах людей
Не наступил конец.
Проговорил смущенно он:
— Прости меня, отец!

ХІІІ

С той поры, как взметнулось
Знамя Победы над нами,
Славу Родины нашей
Высоко вознеся над землей,
Тыщи дней пролетели —
Пролетели года за годами.
Но с планеты война не ушла —
Усыпаны нивы золой.
Да и я до сих пор
Ношу в своем теле осколки,
По больницам хожу —
И ее возле сердца ношу.
Хоть умру я от ран,
Но останутся песни, и строки,
И комузы мои.
Нет, не зря я живу и дышу.
А вчера два письма получил я.
— От кого? — распечатал, гадая..
Это пишет Кочкен,
Что проехал от края до края
Всю Европу, весь мир комузистом,
Не зная покоя...
А второе письмо — издавека оно,
А второе...
От далекой границы,
Что каждому воину свята, —
А второе письмо от Каната.
И на сердце светло —
День идет по земле в перегуде..
Спите, люди, спокойно,
Этот мир заслужили вы, люди.
Пусть смеются глаза,
Пусть веселое детство смеется,
Пусть над нами как знамя

Восходит
Нетленное солнце.
Только жаль, что болею,
Все же путь мой и труден, и долог.
И болит моя память
Под сердцем,
Как мины осколок.
Повторяется высь,
Повторяется в новой вершине.
Повторяется юность моя
И мужество —
В сыне!

* * *

Все время тренируется Канат —
Он мастерство свое повесить рад.
Он свято соблюдает дисциплину.
Он чтит ее, как воин, как солдат.

Стоит на карауле час ночной.
Сияют звезды млечной белизной.
И караулят чуткие ракеты
Мир на земле,
Хранят ее покой.
И около нее стоит Канат,
Несет дозор,
Солдатский свой наряд.
Спят города, спят села, спит планета,
И лишь Канат с ракетой не спят.

Он думает:
«О, если б жил отец!
Увидел бы меня — простил меня б.
Таким, как он, я стану наконец.
Он из огня был сделан,

Из огня...»

Над чуткой тишиной плывет рассвет,
Счастливее Каната в мире нет.

Теплом его душа сейчас овита —

Ведь получил письмо он от Бермет.

Любимая! О как ему он рад...

Под ветерком вот-вот проснется сад.

И спутник пролетает в небе где-то

Среди текучих, облачных громад.

И день встает.

Последняя звезда

Как будто бы погасла навсегда.

Несут ракета и Канат дозор,

И солнце входит в села,

В города...

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Ч. Айтматов. <i>Поэзия мужества и доброты</i>	3
Моя жизнь. Перевод В. Цыбина	7

Стихи

Побратимы. Перевод М. Ронкина	10
Мужество гвардии. Перевод Н. Пустынникова	12
Пишите солдату. Перевод Н. Пустынникова	14
Запах сена. Перевод В. Цыбина	16
Яблоня. Перевод Н. Пустынникова	19
Воспоминание. Перевод Н. Пустынникова	21
Во сне и наяву. Перевод Г. Корина	23
В ожидании гостя. Перевод Ю. Гордиенко	26
Женщина на костылях. Перевод Ю. Горди- енко	28
В пушкинском крае. Перевод М. Синельни- кова	30
Ладонь. Перевод Г. Корина	32
В юрте. Перевод Ю. Гордиенко	35
Я — человек, прошедший сквозь войну. Пе- ревод Р. Рождественского	37
Наша дружба. Перевод Г. Корина	38
Теплота. Перевод Ю. Гордиенко	40
Руки. Перевод Ю. Гордиенко	41
Запах. Перевод Ю. Гордиенко	44
Деревья. Перевод Ю. Гордиенко	46
Раздумья на зеленом холме. Перевод В. Цы- бина	47
Эхо войны. Перевод Я. Акима	50
Флаг Киргизии. Перевод Ю. Гордиенко	51
Вдохновенье мое, Ала-Тоо! Перевод С. По- ликарпова	52
Золотая чинара. Перевод В. Цыбина	53
Я — комуз. Перевод Ю. Гордиенко	54
Красота земли. Перевод С. Куняева	57

Вечером на джайлоо. Перевод С. Поликарпова	59
Лунная ночь. Аил. Перевод Я. Акима	61
Земля. Перевод Я. Акима	63
Токтогульская ГЭС. Перевод Н. Гребнева	65
Строитель. Перевод В. Цыбина	67
На Иссык-Куле стоя белых лебедей. Перевод В. Цыбина	69
Вечер в аиле. Перевод Г. Корина	70
Ночь в горах. Перевод А. Кафанова	72
Перевал. Перевод Г. Корина	73
Мое сердце. Перевод Г. Корина	75
Я — человек. Перевод Г. Корина	77
Небо. Перевод Я. Акима	78
Красота. Перевод Я. Акима	79
Солнечный свет. Перевод Я. Акима	80
Песня продавца бумаги. Перевод Я. Акима	81
Что такое счастье? Перевод Я. Акима	83
У огня. Перевод Г. Корина	85
Хлеб. Перевод В. Цыбина	88
Прекрасен немелеющий родник... Перевод М. Синельникова	90
Тарасу Шевченко. Перевод В. Цыбина	91
Кыз куумай. Перевод В. Цыбина	93
В сердце моем весна! Перевод С. Поликарпова	95
Когда я вдали. Перевод В. Цыбина	96
Глядя на фото. Перевод В. Цыбина	97
Дважды завидовал. Перевод Ю. Гордиенко	98
Ночью. Перевод Ю. Гордиенко	99
Песня. Перевод Я. Акима	100
Джида. Перевод Р. Морана	101
Ты и я. Перевод Я. Акима	102
Солнце и ты. Перевод А. Кафанова	103
«Вместе глядеть на мир по утрам...» Перевод А. Кафанова	104
«Грусть о тебе в душе еще не смолкла.» Перевод Г. Корина	105
Красная тетрадь. Поэта. Перевод В. Цыбина	107

Сооронбай Джусуев

МОЯ ЖИЗНЬ

Стихи

Поэма

Художник *В. М. Рапопорт*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *С. В. Мазаева*
Корректор *А. В. Хорева*

ИБ № 3905

Сдано в набор 15.02.89. Подписано в печать 24.05.89.
Г-26331. Формат 70×90/32. Бумага тип. № 1. Гарн. обшк. нов.
Печать высокая. Печ. л. 4½. Усл. печ. л. 5,27.
Усл. кр.-отт. 5,34. Уч.-изд. л. 4,93. Тираж 500^а
Изд. № 4/4963. Зак. 736. Цена ~~50 к.~~

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

